

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Петр БУРМИН

Третий

каменноугольный

период

Повесть

Новокузнецк
2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Б 91

Бурмин Петр Сергеевич

Третий каменноугольный период : повесть / Петр Бурмин ;
ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Центральная
городская библиотека им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий
городской клуб любителей фантастики «Контакт». –
Новокузнецк, 2014. – 92 с. : портр. – Библиогр. : с. 90–91.

©Бурмин П. С., 2014
©На первой и четвёртой страницах обложки –
иллюстрации П.Бурмина

Бурмин П. «Автопортрет»

БУРМИН Петр Сергеевич родился 12 июня 1933 г. в селе Солоновка Алтайского края. В 1935 г. приехал в Новокузнецк вместе с родителями, которые завербовались на строительство КМК. С 1950 г. начал работать на КМК. Служил в армии, в погранвойсках. На пенсию вышел из строительной фирмы, где работал художником-оформителем. В шестидесятых годах прошлого века у П.С.Бурмина было опубликовано до десятка стихотворений о детях и космосе. В семидесятые годы был на семинаре писателей по рекомендации Геннадия Емельянова – с повестью «SOS». Первая публикация фантастической прозы – глава из повести «Остров разума» – в газете «Сельские вести» 21 марта 2003 г. В КЛФ «Контакт» пришёл в 2001 г. За это время клубом издано 12 книг П.С.Бурмина. Неоднократно публиковался в коллективных сборниках «Контакта» («Люди в квадрате», «На руках луна свернулась», «Попроси у неба крылья», «Я слову жизнь свою передаю: Венок сонетов в Новокузнецке», «Найти слова» и других), в сборнике «Новокузнецкий Литературный Альманах» (Новокузнецк: «Мастер-круг», 2008). Повесть «Третий каменноугольный период» написана в 1992 году.

Вместо предисловия

Всякому существу, живущему на Земле, жизненно необходимы воздух, вода и некоторое количество солнечного излучения, обязательно отфильтрованного озоновым слоем.

Большинство горожан поискам «чистой воды» и «свежего воздуха» посвящает выходные дни, а то и отпуск: это не блажь и не каприз, а одно из условий их существования.

Кровь на девяносто процентов состоит из обыкновенной воды (к тому же обе они – вода и кровь – выполняют сходные функции по обмену веществ). Стало быть, реки следует рассматривать как истоки артерий и других кровеносных сосудов, омывающих плоть живого организма.

Что же касается атмосферы, то она представляет собой часть дыхательного аппарата, часть, не менее важную, чем грудная клетка или лёгкие.

Таким образом, отравляя воздух и воду, способствуя тем самым образованию так называемых озоновых дыр, мы отнимаем здоровье у всякого живого на планете и в том числе своё собственное. Иначе говоря, мы губим то, что нам полагается беречь как зеницу ока, как святыню.

Каждому событию предшествует своя более или менее убедительная предыстория; она вытекает из цепи логических причин и напоминает дерево, которое растёт из корневища, внедрённого в почву. Всё имеет корни и почву, даже незатейливая притча или детская фантазия. Кто-то про кого-то сказал: он придумал сказку, чтобы ещё одной правдой было больше. Всё это можно отнести и к событию, которое изложено в настоящей книге.

Глава первая

В кабинете начальника СОС (Службы Окружающей Среды) только что началось совещание, которое собиралось один раз в неделю, по вторникам; помимо профессиональных защитников Природы в его работе принимали обязательное участие директора и главные инженеры предприятий, особенно неблагополучных в экологическом отношении; к сожалению, подобных производств в окрестностях города Новоельска становилось всё больше.

Открыл совещание, по обыкновению, старший инспектор Самохин.

Самохин Павел Игоревич принадлежал к той редкой породе людей, для которых слово «долг» не было пустым звуком; он считал свою работу единственным оправданием своего существования, поэтому делал её с максимальной отдачей. Благодаря манере спокойно говорить и чётко выражать свои мысли, производил впечатление сильного и волевого человека. Его удлиненное лицо с серыми глазами и носом с горбинкой привлекало к себе внимание. Ему было около сорока лет; в этом возрасте великие мира сего становятся мессиями, а менее великие – обзаваются

плешью. Он не стал мессией (впрочем, как знать?), зато сохранил тёмно-русые волосы, которые украшали его умную голову.

– Природа, насколько возможно, старается воспрепятствовать тому, чтобы однородные элементы, её составляющие, не собирались в большие скопления, – начал он с вопиющей банальности, сидя за одним из столов, за которыми расположились его слушатели. – С помощью этого принципа она достигает некоторого равновесия, необходимого для её существования...

Инспектор помолчал, возможно, для того, чтобы перевести дыхание.

– Что же происходит с Природой, когда ей это не удаётся? – осведомился главный инженер Коксохимического производства, немолодой человек с квадратным лицом, с белой прядкой в густых чёрных волосах, в синем костюме.

– Тогда на неё обрушиваются всевозможные катаклизмы, – подсказал кто-то, судя по тону, шутки ради.

– Падение тунгусских метеоритов, землетрясения, извержения вулканов?.. – предположил главный инженер Коксохимического производства, легкомысленно усмехнувшись.

– Да, – кивнул Самохин. – В лучшем случае...

– А что же тогда – в худшем?

– В худшем случае – форсированный дрейф мировых полюсов, подвижка континентов, массовое вымирание динозавров, ледниковые периоды, всемирный потоп... Иначе говоря, на всякое отклонение от нормы, которому поспособствовали внешние факторы, Природа планеты отвечает радикальным действием глобального масштаба.

– Вполне возможно, уважаемый Павел Игоревич, что вашими устами глаголет истина, – отозвался директор Целлюлозного объединения Виктор Степанович Галкин, незаурядный специалист и администратор, чьё хозяйство процветало... увы, за счёт наплевательского отношения к окружающей среде. – Но мне совершенно невдомёк, при чём тут наши очистные сооружения?

Самохин чуть заметно пожал плечами, что означало на языке его жестов высшую степень возмущения.

– К сожалению, Виктор Степанович, в них-то всё и дело, – объяснил он сдержанно. – Ваши очистные сооружения либо малоэффективны, либо вовсе ничего не очищают. Между тем, промышленные выбросы, накапливаясь в атмосфере и в водоёмах, однажды спровоцируют одно из тех катастрофических явлений, о которых мы только что говорили. Впрочем, если мы не залатаем озоновые прорехи в стратосфере, очередной катаклизм будет иметь вполне конкретное название...

– Когда – «однажды»? – уточнил Галкин с некоторым налётом иронии в голосе. – Сегодня или спустя тысячелетия?

– Этого никто знать не может. Впрочем, какая вам разница?.. Или вам, Виктор Степанович, не жаль своих потомков?

Самохин снова помолчал.

– Животные и растения беззащитны перед произволом недоброго разума, – продолжал он через минуту. – Перед нами живое трепещущее сердце, лишённое грудной клетки; мы можем потрогать его грязными руками или даже заткнуть пальцем клапан, если у нас самих нет сердца. Впрочем, мы это делаем изо дня в день... Вспомните, сколько видов животных и растений исчезло навсегда по милости человека... Повторяю, Природа беззащитна... но до поры до времени...

Инспектор умолк и с досадой посмотрел на телефонный аппарат, помешавший ему закончить мысль своим бесцеремонным трезвоном.

Трубку сняла Альбертина Абрамовна Мчиславская, хозяйка кабинета, седоволосая немолодая женщина с задумчивыми глазами мечтательной девушки; молча послушала минуту-другую, затем, поблагодарив невидимого собеседника, отодвинула аппарат.

– Звонили из местной Телекомпании, объяснила она тоном, каким приносят извинения, поднимаясь с кресла. – Телевизионщики настоятельно советуют нам включить телеприёмник; они уверяют, что сейчас будет показан документальный фильм, представляющий интерес для людей нашей профессии и для тех, кто так или иначе связан с экологией. – Она вышла из-за стола и, сделав несколько шагов, включила телевизор, который стоял в левом углу стеллажа рядом с книгами и папками.

Экран тотчас же засветился, затем появились первые кадры, снятые откуда-то сверху, по-видимому, с вертолётa, – исполинские деревья, вывороченные с корнем; не два и не три экземпляра, а все, сколько их осталось в Национальном парке, находящемся в Калифорнии.

«Глядя на эти кадры, зрители вправе предположить, что тут пронёсся небывалый по силе ураган, – комментировал оператор, поворачивая туда-сюда камеру, чтобы показать место разрушения в разных ракурсах. – Между тем, ураган тут ни при чём. Случилось нечто, не имеющее ничего общего с атмосферным явлением. Секвойи повалились от собственной тяжести; их корневая система потеряла опору... в результате внезапного разжижения почвы. Некоторые деревья почти полностью погрузились в предательскую массу, напоминающую коллоидную пульпу. Видите, – я показываю крупным планом, – это их верхушки... Правда, впечатляющая картина? Однако возможности камеры ограничены... С помощью микроскопа химики увидели больше, значительно больше. Оказывается, жидкость, в которой утонули исполины растительного мира, буквально кишит бактериями, неизвестными науке. Господин Макхилл, крупнейший микробиолог на континенте, считает, что речь идёт о какой-то банальной микрофауне, которая до неузнаваемости инволюционировала на фоне промышленного загрязнения; за счёт обратной рекомбинации, предполагает он, она вернула себе былую способность размножаться с невероятной скоростью...»

Альбертина Абрамовна выключила телевизор.

– Кто что скажет по поводу просмотренного фильма? – обратилась она к участникам совещания.

Никто не отозвался.

– Молчанием вы хотите сказать, что комментарии излишни? Вы правы. Продолжаем работу. Андрей Андреевич, – обратилась Мчиславская к главному инженеру Коксохимического производства, – когда собираетесь чистить отстойники?..

Глава вторая

После совещания Самохин, по обыкновению стремительный и крайне озабоченный одновременно, проходил через приёмную, решительно направляясь к выходу.

– Павел Игоревич, – окликнула его молоденькая кадровичка, она же машинистка и стенографистка, Нина Юрьевна Миронова.

Инспектор тотчас остановился, словно налетел на невидимую преграду и смущённо поднял глаза на девушку, которая, по его твёрдому убеждению, воплощала в себе все женские прелести. Между тем, она была замужем, как обычная женщина; стало быть, кто-то смел к ней прикасаться, целовать её и даже поколачивать: иногда её прекрасные глаза были обведены траурнымит кругами кровоподтёков.

– Я слушаю вас, Нина Юрьевна, – сказал он, тщетно пытаясь согнать улыбкой со своего лица маску удручённости.

– Вы до зарезу нужны какому-то мужчине...

– Это он так сказал?

– Да. Я не посмела вызвать вас с совещания.

Самохин немного помолчал, по-видимому, соображая, кому он мог столь остро понадобиться.

– Где он?

– Я проводила его к вам в кабинет.

Самохин досадовал, когда случай перетасовывал его планы, однако, как всякий разумный человек, он не очень противился произволу – тем сводил к минимуму его вмешательство, иногда даже извлекал из него пользу.

В его комнатушку, которую великодушная Нина Юрьевна назвала кабинетом, вёл узкий коридор, заканчивающийся зарешеченным окном; справа находились помещения санэпидстанции, слева – склад, лаборатория и, собственно, его служебное место.

Инспектор толкнул дверь, всё ещё ломая голову над тем, кому это он нужен «до зарезу».

Это был рыжебородый мужчина лет около сорока; он сидел за его письменным столом на единственном стуле; на нём был рабочий застиранный комбинизон, надетый, судя по всему, прямо на голое тело, и полуболотные резиновые сапоги с завёрнутыми голенищами. Рыжебородый что-то сосредоточенно читал в одном из номеров «Экологического вестника».

– Добрый день, – сказал Самохин, не слишком уверенно входя в собственные «апартаменты». – Извините, что заставил долго ждать.

Мужчина улыбнулся и вышел из-за стола.

– Здравствуй, здравствуй, Паша, – ответил он, протягивая обе руки одновременно. – Спасибо, что заставил долго ждать себя. Время потрачено с большой пользой для меня, будь уверен. Теперь я знаю, чем ты занимаешься, и будь уверен, дело это стоящее...

Инспектор снова посмотрел на незванного гостя. На этот раз – с повышенным интересом.

В глубине его сознания, внезапно проснувшись, зашевелились воспоминания, затем тёплым майским ветерком повеяло из далёкой давно забытой юности.

– Ты ли это, Огонёк?

– Никак вспомнил, Академик?! – шумно воскликнул загадочный посетитель. – А ведь вспомнил...

Самохин, растроганный и взволнованный этой нечаянной встречей, позволил заключить себя в крепкие объятия гостя.

От друга его детства почему-то густо разлило всеми свалками мира. По крайней мере, так показалось инспектору.

– Я рад, что ты меня нашёл... э-э-э... Володя, – сказал он, с некоторым усилием вспоминая имя своего школьного товарища. – Кто тебе сказал, что я тут работаю?

– Паршивец Жорка Околесин.

– Почему паршивец?

– Потому что работает начальником одного из цехов Целлюлозной фабрики, которая убила Согряное озеро. Как-то я его чуть не утопил в его собственных экскрементах...

– Ты имеешь в виду сбросовые воды?

– Их, конечно. И утопил бы, будь уверен, если бы не помешали мне его рабочие – такие же, как и он сам, браконьеры... Да ну их к дьяволу... Давай поговорим лучше о тебе. Мы, пацаны, недаром называли тебя академиком. Ты в самом деле стал учёным человеком. Вон какие толковые статьи печатаешь в солидных журналах. Ты что кончал-то?

– Философский факультет при Московском университете. Помнится, ты в строительный собирался?..

– Да. Я его окончил, – сообщил гость без особого энтузиазма. – Но совершенно напрасно...

– Как так?

– У меня не оказалось ни таланта, ни желания руководить лоботрясами, которые лучше «троят», чем строят.

– Как же ты поступил, когда это выяснилось?

– Ушёл из прорабов в конструкторы. Для начала. Но сидеть за кульманом ещё быстрее осточертело. Тогда я бросил всё – жену, которая постоянно меня пилила за то, что я неудачник, малооплачиваемую работу и сбежал на... городскую свалку, оставив на память кадровикам свою трудовую книжку.

О «пятой бригаде» Самохин знал понаслышке. Какими побуждениями руководствуются люди, когда уходят в так называемые «бичи» или «бомжи», думал он. Что они являют своим существованием – протест или непротivление? В конце концов, решил он, в поступке его товарища всё-таки больше мужества, чем слабоволия.

– Я рад за тебя, Володя, что нашёл своё место в жизни, – сказал он вполне искренне. – Что же касается начальства Целлюлозного объединения, которое находится неподалеку от свалки, где сосредоточены твои интересы, я сделаю всё, чтобы они оставили в покое Согряное озеро...

Гость безнадежно опустил руки.

– Опоздал, Паша, – промолвил он со вздохом, недобро сверкнув голубыми глазами. – Озеро смертельно ранено... судя по его кошмарам, которыми оно бредит с некоторого времени...

Инспектор нахмурился; похоже, он усомнился, что имеет дело с нормальным человеком.

– Успокойся, Володя...

– Я спокоен, как рыба в отравленном водоёме.

– Разве может вода бредить?

– А как это назовёшь иначе, если она отражает вовсе не то, что находится на берегу?..

Глава третья

К словам друга о том, что Согряное озеро «бредит кошмарами», Самохин отнёсся с легкомысленным пренебрежением, приняв их за своеобразную метафору чудаковатого оригинала, однако полностью согласился с тем, что оно «смертельно ранено».

К сожалению, подумал он, агонизируют многие озёра и реки во всём мире. Накануне комы и сами мировые океаны. Что же говорить о живности, которая обитает в этих водоёмах?

Оборвав невесёлые мысли, что грозились затянуть его в трясины бесплодного сострадания, он решительно поднялся со стола, на котором сидел за неимением другого стула, и устремился к выходу.

– Едем, Володя! – бросил он товарищу. – Что же отражают воды Согрянного озера, как не берега, которые они омывают?

– Тоже берега, но только какие-то другие...

– Больше ни слова... Собственными глазами увижу.

Спустя минуту они сидели в стареньком «запорожце», тархтящем, словно гусеничный трактор.

– Техника неказистая, – нарушил затянувшееся молчание человек со свалки, а километры поглощает за милую душу, будь уверен.

– Хорошо бы только километры, – посетовал инспектор.

– Что же ещё?

– Бензин – в первую очередь.

– Вон ты о чём. Давай газгенератор на неё поставим.

– Чтобы вместо дорогостоящего горючего кормить её мусором со свалки?
– А что? Меня же свалка кормит, будь уверен, – напомнил бывший инженер-строитель. Он мрачно помолчал. – Хотя... покидая строительное управление, я больше рассчитывал на рыбный промысел, чем на свалку. В Согрянном было полно всякой рыбы, а я удачливый рыбак, будь уверен. Первые два-три года я не знал, как отбиться от караса со щукой – чуть не на голый крючок ловились...

– Зачем же отбиваться от такого добра? Ешь сколько хочешь. На излишках можно коммерцию наладить...

– Всё было...

– Что же случилось с карасями и щуками спустя эти два-три года? Впрочем, я, кажется, сообразил и без твоей подсказки...

– Да, именно то, о чём ты подумал.

– Однажды утром они всплыли вверх брюхом, верно?

– Верно. Но почему ты решил, что утром?

– Потому что преступники предпочитают обтяпывать свои грязные делишки под покровом ночи. – Самохин помолчал. – Целлюлозная фабрика, которая отравляет жизнь тебе и озеру, была построена ещё в шестидесятых годах. Очистные сооружения курировала сама Альбертина Абрамовна Мчиславская, шеф Службы Окружающей Среды. С тех пор мощности бумажного производства по крайней мере утроились, а фильтры и отстойники всё те же... Понимаешь?

– Будь уверен.

– Мы бьём во все колокола... Но ни наши внушения, ни штрафы на администрацию фабрики никак не действуют.

– Опечатайте предприятие.

– Не можем.

– Почему?

– Его продукция идёт за границу.

– Тогда всё ясно.

– Что тебе ясно, Огонёк?

– То, что ваши внушения малоубедительны, а штрафы мизерны. Для тех, кто гребёт лопатой валюту.

– Ты, наверное, прав.

– Не наверное, а наверняка. Если бумажники столько лет охотно платят штрафы, значит, им это выгоднее, чем заводить дополнительные фильтры и отстойники.

– Логично, – согласился инспектор. – Я твои соображения предложу на очередном совещании. А вот и твоё родовое имя... – пошутил он. – Где поставим машину?

– Около моей норы, которая находится на берегу рядом с логовом водяной крысы. Да вон она, – человек со свалки махнул рукой в сторону архитектурного сооружения, напоминающего башню с крытой террасой на уровне второго яруса.

Самохин подрулил к башне и вышел из автомобиля, хлопнув дверцей.

– Ничего себе «нора»! – наигранно воскликнул он, задирая голову больше, чем следовало. – А я подумал, что это феодальный замок какого-нибудь удельного сеньора...

– Думай, что хочешь, но перед тобой обыкновенная каланча, которую выбросили за ненадобностью, когда перестраивали пожарку, – объяснил «удельный сеньор».

– Разве? – усомнился инспектор. – Здание внушительное... но для пожарной каланчи, по-моему, маловато...

– Ты видишь только половину, остальное пришлось закопать в землю.

– Как это?

– Это архитектурное сооружение лежало на боку, когда я нашёл его, вступив во владение всеми этими сокровищами, – кивнул Огонёк в сторону свалки. – Я почувствовал своей строительной интуицией, что можно и нужно приспособить его под жилище. Костёр – хорошо, а четыре стены с крышей – ещё лучше. Вернее, жилище было готово с самого начала, только следовало поставить его, так сказать, на ноги.

– Как же ты с этим справился?

– Механика простая. Каланча представляла собой монолитную железобетонную конструкцию, что меня вполне устраивало. Прежде всего, с помощью расчётов я выяснил её массу...

– Сколько же она весит?

– Полтора тонны, – небрежно бросил бывший инженер-строитель. – Это мне понадобилось для того, чтобы найти ось тяжести – некое кесарево сечение механики, на котором зиждется Мироздание. Оставались пустяки – всего лишь нужно было выкопать котлован глубиной в половину высоты башни, начиная от центра тяжести и кончая тем местом, на которое я намеревался поставить эту штуковину. Прежде чем взяться за лопату, на противоположную сторону от подошвы я наложил внушительную кучу хлама, который потяжелее.

– Сколько же времени ты копал эту яму?

– С мая по ноябрь.

– Более полугода каторжных работ!

– Верно, трудненько приходилось. Но это не было каторгой, как ты думаешь. Каторжником я чувствовал себя, когда работал в управлении чертёжником. Тут я делаю свою работу, а не чужую. Трудности, которые ты сам себе придумываешь, приносят тебе радость по мере их преодоления.

– Хорошо сказано. Но в данном случае трудности приносили тебе ещё и постоянное чувство страха, ведь над твоей головой висела эта многотонная махина...

– Вот тут ты ошибаешься, Паша. Основательно поработав над расчётами, голова была уверена в своей безопасности.

Человек со свалки помолчал.

– Что же было дальше? – поторопил его Самохин.

– Когда котлован был вырыт, я поднялся наверх и... с огромным удовольствием выкурил сигарету, глядя на результаты своих усилий. Затем сбросил балласт. Каланча, как и следовало ожидать, тотчас прыгнула в уготованное ей гнездо и, качнув разок-другой верхней частью, намертво замерла в вертикальном положении... Теперь самое время посмотреть моё жилище изнутри, – сказал в заключение гостеприимный хозяин. – Или сперва познакомишься с моим огородом?

– Охотно осмотрую то и другое, – отозвался инспектор. – Но мы, похоже, забыли, зачем сюда приехали?..

– Да нет, Паша, не забыли. Всему свой черёд. Я разве не сказал, что озеро показывает иные миры только после заката солнца?

Глава четвёртая

Свалка есть одно из мест, где вопиёт поруганная Природа.

Когда-то тут были буйные заросли ивы, черёмухи и боярышника, о которых теперь напоминали отдельные чахлые кустики, заваленные кучами мусора – остатками того, что не смог переварить цивилизованный город.

На свалке постоянно что-то горело. Белесый едкий дым то поднимался к небу, то, словно тать, скрытно полз по земле, в зависимости от погоды.

В незапамятные времена свалка была огорожена металлической сеткой, которая потом упала вместе с подгнившими деревянными столбиками. Множество сорок и ворон слеталось к ней со всей округи, чтобы полакомиться отбросами.

За свалкой начинался угольный разрез, из которого добывали открытым способом первоклассное топливо. По мере выработки горючего некогда цветущая долина всё больше напоминала ландшафт Луны, Марса или какой-то другой необитаемой планеты. В сущности это был исполинский склад, откуда горняки черпали национальные сокровища...

Безрадостное впечатление производили и окрестные холмы, изъязвлённые либо териконами горельника, либо провалами на местах выработок полезного ископаемого.

Наше время следует называть не Атомной эрой, не эпохой Электричества и Электроники, а Вторым Каменноугольным периодом.

Чтобы не терять даром времени, Самохин и его школьный товарищ начали соображать ужин, о котором напоминали им их желудки, лишённые обеда.

Инспектор вызвался добыть дров, горячо надеясь на то, что это ему удастся. Минут через десять он вернулся с добычей.

Древесные отходы, собранные на свалке, он положил около металлической треноги с крючком, на котором уже висел котелок с молодым картофелем. Тут же стоял закопчённый чайник, ожидая своей очереди.

Под чахлой берёзкой, находящейся неподалёку от очага, на полиэтиленовой скатерти лежали малосольные огурцы, хлеб, соль и банка минтая.

Самохин раскопал очаг и, решив, что на этом его функции закончились, пошёл прогуляться по берегу. Под его ногами потрескивали высохшие стебельки прошлогоднего разнотравья; это обстоятельство не ускользнуло от его внимания.

Странно, почему же новая трава не выросла? – подумал он, останавливаясь. Разгар лета, а ландшафт по виду напоминает апрельскую проталину. Хотя... – Он наклонился и с некоторым усилием сорвал стебель какого-то незнакомого жёсткого, однако явно живого, растения. Оно было серовато-зелёного цвета, листья у него совершенно отсутствовали.

– А ты наблюдателен, Академик, – услышал он за спиной голос своего школьного товарища.

Инспектор обернулся.

– Какой я академик, Володя? – нахмурился он. – Большинство растений даже не ведаю, как называется... Впрочем, зрительная память мне подсказывает, что этого представителя флоры я вижу впервые, – он показал озадачивший его стебель своему собеседнику. – Выходит, ты тоже обратил внимание на это растение?

– Будь уверен! – подтвердил тот с ярко выраженными нотками негодования в голосе. – Ещё как обратил... Сперва эта твёрдая, точно стальная проволока, трава появилась на мелководьях озера. Года так три-четыре назад. Следующей весной она вылезла на берег... и начала победное шествие от одной кучи мусора к другой. Теперь она на свалке растёт почти повсеместно, вытеснив даже репейник и крапиву. На днях эту зловредную траву я обнаружил у себя в огороде. Растёт не по дням, а по часам. Каждое утро вырубая её тяпкой. Вчера взял лопату – хотел выкопать её с корнем...

– Напрасный труд, Володя, – перебил ретивого садовода Самохин. – Этот сорняк берёт начало в силурийских отложениях, то есть в геологических пластах, сформировавшихся триста семьдесят – триста пятьдесят миллионов лет назад. Перед нами прародители растений нашей планеты, так называемые псилофиты, с которых стартовала эволюция земной флоры. Эти невзрачные на вид растения вдохнули жизнь в заросли кордаитов, рододендронов, каламитов и сигилирий – исполинских деревьев, которые процветали в каменноугольном периоде.

Обитатель свалки недоверчиво посмотрел на инспектора. Его ярко-голубые глаза потемнели.

– Стало быть, их корневища следует искать в пластах, лежащих ниже угольных месторождений? – предположил он.

– Пожалуй.

– Столько миллионов лет прозябали под толщью литосферы, и вот на тебе... Что их спровоцировало? Может быть, повинен разрез, что находится неподалёку?

– Отчасти. Я полагаю, их вызвали к жизни нынешние условия, которые сложились в результате небрежного отношения человека к Природе.

Глава пятая

Володя снял с треноги котелок, слил воду и вытряхнул из него исходящий паром картофель прямо на скатерть.

Этот выразительный жест хлебосольного хозяина был желанным сигналом к ужину.

Какое-то время приятели ели молча.

– У меня из головы никак не выходят... эти... как их?.. – начал бывший инженер-строитель, прожёвывая огурец в сочетании с картофелем.

– Псилофиты, – подсказал Самохин.

– Псилофиты, будь они неладные.

– В каком смысле?

– Ума не приложу, как бороться с этим зловредным сорняком; печёнкой чую, что тяпкой с ним не справиться...

Мне бы его заботы, подумал инспектор с досадой. Мир катится в тартар, а он озабочен тем, что заростают его грядки. Впрочем, огурцы и картофель, которые я поглощаю с таким первобытным аппетитом, – с тех же самых грядок, устыдившись, спохватился он.

– Напрасно переживаешь, Огонёк, – сказал он в утешение товарищу. – Я не заметил, что твоему огороду что-то угрожает: на мой взгляд, он вполне благополучен.

– Значит, плохо смотрел...

– Не слишком ли большое значение ты придаёшь своим грядкам? Или это – единственное средство для твоего существования?

– Далеко нет. Только подспорье. Основной урожай я снимаю со свалки...

– Что именно?

– Сдаю ветошь, макулатуру, бутылки, цветные металлы – всё это отвожу в город на грузовичке, который я собрал из нескольких машин, выброшенных за ненадобностью.

Инспектор повертел головой, по-видимому, ища технического монстра, слепленного из случайных деталей.

– Что-то я никакого грузовика не вижу, – разочарованно сказал он. – Где ты его прячешь?

– Он стоит за ближайшей кучей мусора, – объяснил коммерсант от свалки, – под завязку нагруженный тем самым товаром, которым я промышляю.

В тот вечер солнце было досадно неповоротливым и медлительным; так, по крайней мере, показалось Самохину и его товарищу. Наконец, блеснув последними лучами, светило скрылось за горизонтом.

Инспектор тотчас повернулся к озеру и пристально посмотрел на его зеркальную гладь, впрочем, мало веря в чудеса, обещанные его однокашником.

Какое-то время на озере ничего необычного не происходило, неведомых миров не показывали его воды. Как ни странно, но не отражало оно и тех немногих предметов, что находились на берегу, – нескольких кустиков чернотала, росших у самой воды, башню и упомянутую берёзку, – словно инспектор смотрел на телевизионный экран, который забыли включить.

Вдруг справа метрах в ста–ста пятидесяти от того места, где было сосредоточено его внимание, возникла светлая полоса, будто воду осветило солнце, выглянувшее из-за тучи. Светлое пятно быстро разрасталось в длину и ширину; вскоре оно достигло вод, доступных непосредственному наблюдению с берега. Этот эффект напоминал слабое голубоватое сияние, идущее снизу.

Оттуда же, со дна водоёма, поднимались и какие-то трепещущие тени; рябь от лёгкого ветерка дробила их на мелкие фрагменты, похожие на детские кубики, из которых предстояло сложить единственно возможный рисунок, заранее начертанный художником.

Самохин, глядя на озеро, слегка вздрагивал не то от вечерней прохлады, не то от волнения.

Наконец ветер утих, рябь улеглась, и кубики заняли свои места, изображая одну из тех картинок, с помощью которых авторы книг по геологии иллюстрируют первобытный пейзаж каменноугольного периода, точнее – заросли каламитов, лепидодендронов и сигилиярий, господствовавших в карбоне.

Отражения несуществующих деревьев выглядели настолько реально, что инспектор невольно оглянулся назад, ища на полупустом берегу их оригиналы.

Сумерки уже наступили, однако человека, сидящего у него за спиной, он не мог спутать со своим школьным товарищем.

Глава шестая

Незнакомец благожелательно улыбнулся, когда Самохин снова посмотрел в его сторону.

– Добрый вечер, Павел Игоревич, – сказал он, подавая маленькую, но довольно сильную руку.

– Здравствуйте, – ответил инспектор и пожал протянутую руку. Его по-прежнему знобило.

– Мы разве с вами знакомы? – осведомился он, стуча зубами.

– Я вас узнал по школьной фотографии, которую Володя мне недавно показывал.

– Что-то не помню... – с сомнением пробормотал обитатель свалки. – Познакомься, Паша: это Триарх.

– Очень приятно, – равнодушно отозвался Самохин; из-за недомогания он всё больше терял интерес ко всему, что его окружало. – Простите, но мне нужно ехать. Спасибо за компанию. Продолжим знакомство в другой раз. – И он решительно поднялся на ноги.

Однако шаги его не были решительными, когда он добирался до машины.

Что это такое со мной происходит, подумал он, вырuling на шоссеиную дорогу, идущую по левой стороне насыпи. Не мог же я простудиться в середине июля. Может быть, я заболел доисторическим гриппом, который был в ходу у динозавров, подхватив его в те короткие минуты, пока созерцал ландшафт каменноугольного периода? Стало быть, я ещё жив, если не утратил чувства юмора.

Как ни странно, он был недалёк от истины.

Болезнь прогрессировала стремительно, как стихия.

Он рисковал собственной жизнью уже тем, что сел за руль.

Назавтра он настолько занемог, что ему понадобилась машина скорой помощи.

Его положили в больницу с высокой температурой и невыносимой головной болью: от той и другой временами он впадал в беспамятство, иногда бредил.

Лежа на больничной койке, он впервые узнал, что у него имеются почки, печень, сердце, поджелудочная железа и гипофиз, – к счастью, все эти органы работают исправно. Беспокойство врачей вызвала его кровь: в ней были обнаружены лишние белые тельца и какие-то вирусы, которые не поддавались идентификации с микрофауной, известной медицине.

Кризис, наступивший спустя две недели после госпитализации, он перенёс благополучно. Однако поправлялся не столь стремительно, как заболел. Его недуг, поскольку случай был первый, но, к сожалению, не последний, врачи окрестили его именем – синдром Самохина.

Перед его выпиской в больницу поступили ещё двое с аналогичным диагнозом – шофёр и экскаваторщик: оба работали на угольном разрезе, что находился в окрестностях городской свалки.

Самохин лежал в крошечной палате, именуемой боксом.

Врач-ординатор, делая утренний обход, вошёл к нему в келью и сел на краешек его койки.

– Здравствуйте, Павел Игоревич, – сказал он обычным человеческим, а не тем наигранно-бодрым, голосом, которым он говорил, когда инспектор был в реанимации. – Как ваши дела?

– Доброе утро, Виктор Игнатьевич, – ответил Самохин. – На этот раз, кажется выкарабкался...

– Почему – кажется? Бойтесь рецидивов?

– Боюсь, – признался больной. – Всего можно ожидать от болезни, о происхождении которой никто ничего не знает. Вы поторопились, назвав этот недуг в мою честь. Наш недуг, – поправился он.

– Ваш с шофёром и экскаваторщиком? – уточнил врач.

– Да. Я почувствовал себя плохо, когда находился неподалёку от разреза. Но меня смущает...

– ...то, что работают на разрезе не только эти двое? – догадался человек в белом халате.

– Ещё мой товарищ, который постоянно живёт в этом районе; ему тоже ничего не досталось. Может быть, эта болезнь – я назвал бы её экологическим синдромом – набрасывается только на новичков? Вы могли бы выяснить, как давно работают на разрезе шофёр и экскаваторщик?

– Постараюсь, – пообещал врач, – когда они немного поправятся. Вы считаете, что заразились вирусом, так сказать, мутагенного характера?

– Скорее всего. И лечить надо не людей, а Природу.

– Это проблемы вашей фирмы. Лечите на здоровье.

– Вы меня не поняли, Виктор Игнатьевич. Речь идёт о проблеме общечеловеческого масштаба; она грозит перерасти в катастрофу.

Вошла старшая сестра и что-то шепнула на ухо доктору. Врач тотчас поднялся с койки.

– Извините, Павел Игоревич, – сказал он. – Поговорим позже.

Глава седьмая

Врач поспешно вышел из палаты. Старшая сестра Антонина Егоровна, цветущая, несколько полноватая женщина лет тридцати с хвостиком, спокойная и неизменно благожелательная, повернулась к Самохину и как-то странно на него посмотрела.

– К вам пришли посетители, Павел Игоревич, – сообщила она таким тоном, словно выговаривала ему за какой-то неблагоприятный поступок. Её брови были нахмурены, губы брезгливо кривились, когда она говорила.

Интересно, что могло вывести из себя нашу олимпийку в белом халате? – подумал инспектор. – Наверно, мои новые знакомые, – решил он, беспричинно улыбаясь.

Так оно и было.

В проёме двери, словно в кадре кино, он увидел счастливого обладателя застиранного комбинезона, поверх которого был небрежно брошен белый халат с казёнными отметками на вороте. Коммерсант от городской свалки широко улыбался, сияя каждым волоском своей рыжей шевелюры, распространяя при этом на всю больницу удушливые ароматы городской свалки.

– Паша, я обнаружил несметные залежи пустых бутылок, – сообщил он громогласно, появляясь в палате и садясь на одну из табуреток, которые он предусмотрительно прихватил с собой из коридора, вторую он предложил своему спутнику. – Мы с Триархом только что обменяли их на целое состояние! Так-то... Ехали мимо, давай, говорю, попроведаем нашего болящего... Я поздоровался с тобой? Нет? Вот растяпа! Ничего страшного: это поправимо, будь уверен. Здорово, Академик.

Самохин вполуха слушал болтовню удачливого бизнесмена, а сам не сводил глаз с его товарища, которого в потёмках на берегу озера толком рассмотреть не удосужился.

На первый взгляд в этом человеке ничего примечательного не было. Невелик ростом, худощав. Отнюдь не семи пядей во лбу, если судить по размерам черепа. Его карие довольно выразительные глаза говорили о физическом и духовном здоровье их владельца, а не об избытке мудрости, как полагают иные физиономисты, греша против истины. Моложав, но далеко не молод.

На нём были синие брюки, заправленные в голенища мягких кожаных сапог жёлтого цвета, голубая футболка. Из-под его головного убора, похожего на феску, ниспадали на плечи чёрные волнистые волосы, смешиваясь с растительностью, что украшала его подбородок. Больничный белый халат лежал у него на коленях.

– Здравствуйте, – сдержанно ответил Самохин, приподнимаясь на локте левой руки. – Что нового в мире?

– Что тебя интересует, Паша, – политика или экономика?

– Пусть будет политика, Володя, – с улыбкой сказал инспектор, – поскольку об экономических новостях ты мне уже поведал.

– Политика вытекает из экономики. И наоборот...

– Мир всегда нов, – промолвил человек, которого бывший инженер-строитель назвал Триархом. – Во всяком случае – для того, кто только что родился. – Он помолчал. – Не проходит и минуты, чтобы на свет не появилось какое-нибудь живое существо – человек, пресмыкающееся или птица, травинка, насекомое или дерево...

– Вы правы. А сколько видов растений и животных исчезает за это же самое время... – вздохнул инспектор.

– Надеюсь, всё же меньше, – неуверенно произнёс Триарх. – Животные и растения прекращают своё существование чаще всего потому, что не сумели приспособиться к условиям, которые изменились... не только по вине homo sapiens. Вспомните хотя бы динозавров: они вымерли шестьдесят миллионов лет назад, когда человека ещё в помине не было.

– Не утешайте меня... э-э-э... как вас по имени и отчеству?

– Аристарх Иннокентьевич.

– Так вот откуда у вас это странное прозвище...

Аристарх Иннокентьевич снисходительно улыбнулся.

– Это невинная шалость нашего милого Володи, – объяснил он. – Она ничего общего с моим именем не имеет.

– Он прав, Паша, – подтвердил обитатель свалки. – Вначале я называл этого человека Триадоном... потом Триадном... Выбирай любое... Он серчать не станет, будь уверен...

– Я предпочитаю называть человека его собственным именем, – жёстко сказал инспектор. Он помолчал. – Во всех трёх вариантах,

насколько я заметил, имеется нечто общее... – смягчился он. – Что оно, по твоему мнению, означает, Володя?

– То, что Аристарх Иннокентьевич способен запросто разгуливать по всем трём ипостасям времени, как ты по своей трёхкомнатной квартире.

Самохин расхохотался, чтобы не выглядеть ещё как-нибудь глупее.

– Во-первых, у меня двухкомнатная, а во-вторых...

– Ишь как развеселился, – подмигнув Аристарху Иннокентьевичу, сказал бывший инженер-строитель. – Покажи, Триаша, этому Фоме Неверующему, что мы далеко не шутим...

Тотчас табурет, на котором сидел Аристарх Иннокентьевич, опустел.

Инспектор уже не смеялся. Напротив, ему стало страшно. Он испугался самого себя, потому что был причастен к акту, который ставил человека на одну доску с богом или дьяволом, в зависимости от того, кто им распоряжался.

Спустя короткое время он снова увидел Аристарха Иннокентьевича, сидящего на табурете как ни в чём не бывало.

– Куда вы уходили? – осведомился он у Триарха.

– В смысле пространства – никуда. Другое дело – во временном отношении...

– Где же вы были?

– В прошлом. То есть вне реальности с минусом в одну минуту.

– Вы это сделали с помощью машины времени?

– Где вы видите таковую?

– Наверное, возможен карманный вариант...

– Не знаю. Чтобы переместиться в недалёкое прошлое, я воспользовался волевым импульсом.

– Речь идёт о психическом усилии? Я правильно вас понял?

– Правильно.

Прежде чем задать следующий вопрос, Самохин немного помолчал.

– Куда труднее попасть – в прошлое или будущее? – уточнил он с видом завязтого исследователя.

– Существенной разницы нет.

– Как далеко вы можете забраться в ту или иную сторону?

– В пределах моей собственной жизни – между рождением и кончиной.

– Где находится ваше настоящее, Аристарх Иннокентьевич?

– Двумя десятками лет позже вашего.

– Другими словами, вы прибыли из будущего?

– Да.

– Вашему способу путешествий во времени можно научиться или им обладают избранные?

– Способность безаппаратного путешествия или передвижения во времени необходимо развивать специальными упражнениями... впрочем, как и всякий талант, данный Природой...

Глава восьмая

Самохин задавал всё новые и новые вопросы; отвечая на них, пришелец из будущего будничным тоном сообщал вещи, которые можно было прочитать только в фантастическом романе.

Инспектор не был легковёрным человеком, однако в достоверности того, что говорил Триарх, он не сомневался: пример с табуреткой ему, по-видимому, показался вполне убедительным.

Пока беседовали больной и его посетители, старшая сестра несколько раз заглядывала к ним в палату, но, выразительно пожав плечами, она снова исчезала за дверью.

– Аристарх Иннокентьевич, когда и как вы обнаружили свою уникальную способность к временным перемещениям? – полюбопытствовал Самохин, воодушевлённый тем, что Антонина Егоровна оставила их в покое.

Триарх, сидевший неподвижно на табурете с бесстрастным выражением на лице, заметно оживился.

– Охотно, Павел Игоревич, – согласился он. – Но это длинная история, – предупредил он.

– Ничего, мы с Володей умеем слушать.

– Случилось это ещё в детстве, – неторопливо начал Триарх, глядя перед собой задумчивыми глазами. – Шла вторая мировая война, на которой предстояло погибнуть моему отцу двадцати семи лет от роду. Мы с мамой жили в селе Агашеве. Наш рубленый дом стоял на берегу реки Песчаной, пониже «щек» или каньона, образуемого двумя скалистыми горами, откуда она вытекала.

Помню, было солнечное апрельское утро. Босоногая детвора, засидевшаяся в избах за долгую сибирскую зиму, высыпала на берег, чтобы посмотреть на ледоход, который ожидался с минуты на минуту.

Вода заметно поднималась. Между ледяным панцирем и берегом образовались разводья. Однако, спустя некоторое время, уровень воды в реке резко упал. Разводья исчезли, кромка ледяного поля, прогнувшегося корытом, упёрлась в рыхлый талый берег.

Кто-то крикнул: «Затор!», и все бросились к каньону. Я, разумеется, не отставал от своих сверстников.

Я впервые наблюдал затор и не сразу сообразил, что это такое, когда увидел внушительную стену, сложенную из ледяных глыб и поставленную поперёк потока.

В деревне бытовала романтическая легенда о смельчаке Даниле, который некогда по затору, точно по мосту, перешёл с одного берега на другой и обратно, прежде чем это шаткое сооружение было разрушено массой воды, поднятой им на добрый десяток метров.

Мне, как вы, наверное, уже догадались, приспичило повторить этот безумный «подвиг».

Дети живут по законам, о которых не подозревают взрослые. У них свои понятия о чести, долге, добре и зле. Их можно испугать букой, но не реальной опасностью.

Некоторые мальчишки и девчонки, чьи ноги были резвее моих, оказались у каньона раньше меня; но они, по обыкновению, довольствовались тем, что восхищённо таращили глаза на эту нерукотворную плотину, на всякий случай держась от неё на почтительном расстоянии.

Мне же пассивного созерцания этого волнующего зрелища было мало. Едва поравнявшись с затором, я сходу прыгнул на ближайшую льдину, которая свободно плавала в разводьях; она выдержала тяжесть семилетнего ребёнка, годами не евшего досыта. С неё – на следующую... Потом я ощутил босыми ногами, привыкшими к колючей стерне и зябкости проталин, относительную устойчивость. Относительную, потому что затор сотрясали всё новые льдины, которые прибывали с верховьев.

До противоположного берега я добрался благополучно. Но где-то на половине обратного пути удача мне изменила. Исполинская льдина, которая была основанием и причиной затора, вдруг треснула, лавина льда и воды с оглушительным грохотом устремилась в бездну...

Казалось, гибель была неминуемой. Но я спасся, внезапно очутившись на... лавке рядом с мамой. На столе стояли стакан с молоком и чугунок картофеля в мундирах. Завтрак повторился, только на этот раз я был мокрым с головы до пят и озябшим до дрожи во всём теле.

Триарх помолчал, задумчиво поглаживая белоснежный халат, лежащий у него на коленях.

– Что же ты ощутил в тот момент, когда твой ледяной мост превратился в мясорубку у тебя под ногами? – осведомился человек со свалки тоном дотошного исследователя.

– Это была... настойчивая... щемящая тоска по дому, маме и соседской девочке Лиде, которая в ту пору мне нравилась, – медленно проговорил Триарх, с видимым трудом выуживая из памяти полузабытые подробности. – Ещё была... окрыляющая уверенность... что со мной ничего плохого не может случиться.

– Вы верно заметили, Аристарх Иннокентьевич, что способность к безаппаратным путешествиям во времени подобна таланту, – вставил Самохин. – Тоска и уверенность составляют сущность творческого вдохновения.

– Да, если рассматривать то и другое в чистом, так сказать, виде, – согласился Аристарх Иннокентьевич. – Спустя некоторое время я услышал взволнованный голос моего дружка Лёшки, – продолжил он. – «Тётя Лиза, тётя Лиза, Аришка (это меня так звали в детстве) утонул в Песчанке!..»

Триарх снова помолчал, по-видимому, заново переживая детское приключение.

– Представляю, как был ошарашен твой дружок Лёшка, когда увидел тебя, мирно сидящего за столом на лавке и набивающего рот картошкой, – предположил обитатель городской свалки, смеясь. – Сам-то ты как отнёсся к своему счастливому избавлению?..

Улыбнулся и Аристарх Иннокентьевич.

– Маме и сельчанам я сказал, что хорошо плаваю. И сам поверил в это. Поверил до поры до времени...

– Пока твоя уникальная способность снова не дала себя знать?

– Да.

– Как это было?

– Однажды, – охотно продолжал Триарх, – спустя несколько месяцев после злополучного затора, я с удочкой и чайником в руках ходил по берегу Песчаной в поисках лучшего места для рыбной ловли. Постоял около двух-трёх заводей, засучив повыше штанины, побродил по перекату, где выудил небольшого хариуса. Затем подался на быстрину, что подмывала невысокий глинистый берег. Закинув раз-другой сверху, я спрыгнул на кусок дернины, лежавшей у кромки воды. Но там, где мне предстояло приземлиться, я с опозданием увидел крупную гадюку, свернувшуюся тугими кольцами...

– Уж на этот-то раз вы наверняка испугались, Аристарх Иннокентьевич? – предположил инспектор.

– Да, – признался Триарх. – Но не за себя, а за пресмыкающееся; это помогло мне вернуться в тот отрезок времени, когда прыжок ещё не был начат. Однако, закидывая удочку сверху, я помнил об опасности, которую только что избежал... – Он сделал паузу, как бы подводя предварительный итог. – После этого случая я окончательно уверовал в свои необычные способности и совершенно сознательно начал экспериментировать со временем. Начал с того, что взял в руки корзинку и представил себя на сосновой опушке, куда прошлой осенью ходил за грибами. Было это летом.

– Вы там не встретились с самим собой, Аристарх Иннокентьевич? – осведомился Самохин, вспомнив, по-видимому, аналогичную ситуацию, прочитанную в фантастическом романе.

– Этого не происходит с теми, кто путешествует во времени с помощью экстрасенсорной биоэнергетики (так мы, безаппаратчики, называем этот эффект), поскольку он со своим аналогом движется не параллельно, подобно технически оснащённому вояжёру, а слитно, целостно, словно ноги рыси, задние лапы которой ступают в следы, оставленные передними. Попав в прошедшую осень, я только помолодел на год без трёх месяцев.

– У меня сложилось впечатление, что вы охотнее путешествуете в прошлое, чем в будущее, – заметил Самохин. – Какие у вас взаимоотношения с будущим?

– Вы имеете моё будущее, которое простирается далее двух десятков лет, где я обитаю? – уточнил Триарх, подчеркнув слово «моё».

– Да.

– Бывал и в нём. Из любопытства. Но после того, как угодил в шкуру немощного старика, который дышал на ладан (это был я за несколько часов до кончины), я прекратил экскурсии в далёкое будущее... относительно далёкое, потому что триархи живут не намного дольше, чем обычные люди.

– Стало быть, вы теперь знаете, когда умрёте?

– Конечно.

– Это знание вас не пугает?

– Пугает. Но я утешаюсь тем, что моя кончина наступит ещё не скоро, и я успею подготовиться к ней...

– Вы одиноки как обладатель столь уникальных способностей?

– Далеко нет. Нас достаточно много... Мы иногда собираемся вместе в Клубе для безаппаратных путешественников во времени.

Глава девятая

Наступил день, когда медики отважились выписать Самохина из больницы. Утром к нему в палату зашёл, по обыкновению, врач, который, в сущности, поставил его на ноги.

Эскулап выглядел не то озабоченным, не то подавленным.

– Добрый день, Павел Игоревич, – сказал он, протирая очки полой халата и пряча усталые глаза с покрасневшими веками.

– Здравствуйте, Виктор Игнатьевич, – ответил инспектор, вставая с заправленной койки.

Врач наконец пристроил очки на переносицу и посмотрел на своего больного.

– Вы молодцом выглядите, – похвалил он.

– Чего, к сожалению, о вас не скажешь. Спасибо, я в порядке благодаря вашей заботе... А как дела у рабочих с разреза? Как они себя чувствуют?

– Эскаваторщик поправляется...

– А шофёр?..

– Шофёр... – врач аккуратно снял с переносицы очки и снова принялся их чистить, на этот раз с удвоенной тщательностью. – Он уже ничего не чувствует – сегодня ночью скончался, не выходя из комы, – добавил он каким-то бесцветным голосом, водрузив оптический прибор на место. Помолчал, словно собираясь силами. – Я выяснил то, что вас интересует: оба новички на разрезе...

На этот раз помолчал инспектор.

– Стало быть... вначале патологический фон в этом районе был слабым – это обстоятельство позволило старым рабочим приобрести иммунитет, прежде чем он уплотнился до нынешней, критической...

– По-видимому, вы правы...

– Что вы собираетесь делать?

– Прежде всего добиваться санкции на карантин, чтобы остановить трансгрессию, наступление этого заболевания, вплоть до закрытия

разреза... Вы со мной не согласны, Павел Игоревич? – осведомился врач, заметив на лице своего собеседника выражение, похожее на недоумение.

– Я полагаю, что в первую очередь необходимо госпитализировать рабочих, которые продолжают трудиться на разрезе, затем послать оснащённую соответствующей защитой группу специалистов в очаг для выяснения источника и природы этой патологии.

– Другими словами, вы предлагаете начать с закрытия разреза? – уточнил врач.

– Да. Когда речь идёт о здоровье людей, уместны радикальные, решительные меры.

– Чёрт знает, что творится в нашем мире? – вдруг вышел из себя эскулап.

– Вы возмущаетесь по поводу проблем, которые возникли на разрезе? – осведомился Самохин.

– Не только, – продолжал врач, успокаиваясь. – Несколько минут назад я слушал по радио передачу из Австралии. В ней, наряду с другими, вполне серьёзными сообщениями, говорилось о самках кенгуру, которые устроили массовый исход на равнину Налларбор, чтобы в горячий песок отложить яйца. Через три месяца из этих яиц вылупились детёныши с ярко выраженными признаками будущих... рептилий – морщинистая голая шкура, гребень по всей длине позвоночника и прочее... Что вы думаете обо всём этом, Павел Игоревич?

Инспектор безнадёжно развёл руками.

– В условиях полнейшего пренебрежения к среде может случиться всё, что угодно... Впрочем, вы могли оказаться жертвой легкомысленного журналиста, охочего до дешёвых сенсаций.

– Вполне. Ну, будьте здоровы, Павел Игоревич.

– Постараюсь, Виктор Игнатьевич.

– Не забудьте показаться вашему покорному слуге за день до того, как кончится больничный...

– Не забуду, Виктор Игнатьевич. Вы слишком много внимания уделяете моей персоне...

– Я беспокоюсь не о вас, а о вашей болезни, от которой сегодня скончался рабочий с разреза.

Покинув больницу, Самохин подошёл к трамвайной остановке, постоял некоторое время в ожидании транспорта. Прежде чем войти в подкативший вагон, инспектор обшарил карманы, ища абонемент или деньги; но в них ничего не было, кроме водительских прав и талонов на горючее. Раздосадованный, он отправился пешком через весь город.

Город Новоельск располагался в долине, окружённой невысокими холмами; посередине его протекала река, ставшая по милости человека сточной канавой. Эта клоака впадала в реку побольше, из которой забиралась вода для нужд населения.

Подобно живому дереву, город обладал своими кольцами роста, обусловленными материалами, из которых были построены его жилые и общественные здания: деревянные, кирпичные и железобетонные. Имеются в виду рубленки и засыпушки частного сектора, находящегося на окраинах, старый центр, возведённый с помощью каменщиков, и панельные девятиэтажки, что появились в последние полтора-два десятилетия.

Впрочем, после приватизации частными стали не только рубленки и засыпушки, но и остальные девяносто пять процентов архитектурных сооружений города.

Некогда Новоельск гордые его обитатели называли городом-садом за его многочисленные парки, скверы, аллеи, газоны и чистые озеленённые улицы. Теперь о нём, к сожалению, этого не скажешь. Всеобщая погоня за наживой вытеснила из сердец горожан патриотические чувства. Трест озеленения выращивает цветы, как и прежде, только на этот раз не для украшения города, а для продажи на рынке. От дворников остались одни воспоминания. Местные виги – купцы, промышленники, банкиры и негоцианты – содержат в чистоте только собственные склады, банки и офисы.

Пешая прогулка слегка утомила Самохина.

Он вздохнул с видимым облегчением, когда этот вынужденный моцион кончился у порога его дома.

«Холостяцкая изба и при живом хозяине сирота», – говаривала, бывало, его мать, когда приезжала к нему в гости, потеряв всякую надежду увидеть его у себя в деревне.

Ступив в свою резиденцию, он, пожалуй, впервые постиг всю глубину материнской сентенции.

Квартира встретила его настороженно и отчуждённо, словно затюканная падчерица недобрую мачеху.

Первым делом он открыл настежь окна. Затем налил воды в таз, взял тряпку и принялся ласкать свою насквозь пропитанную пылью и выхлопными газами золушку. Судя по его решимости, он намеревался остаток дня посвятить «оздоровлению малой экологии», как он именовал домашнюю уборку. Но не тут-то было: в самый разгар этой богоугодной акции кто-то нетерпеливо затрезвонил у входа, не отпуская кнопки.

– Какая досада, что нам с тобой столь бесцеремонно помешали! – посетовал он, обращаясь к тряпке и вытирая руки о фартук, забытый его родительницей при последнем посещении. – Обещаю тебе: мы непременно продолжим своё благое дело, вот только выпровожу незванного гостя...

Открывая входную дверь, инспектор был уверен, что он понадобился кому-то из соседей.

Однако в квартиру вошли двое бравых парней, которых он видел впервые; несколько мгновений они постояли в прихожей, не то озадаченно, не то оценивающе глядя на хозяина, затем, подхватив его под руки, проследовали в гостиную.

– Ребята, у вас башмаки грязные, а я только что помыл пол, – заметил инспектор, когда его оставили в покое. – Я бы предложил вам тапочки...

– Что это он там лепечет? – спросил один у другого.

– Что-то про чистый пол и белые тапочки...

– Вот это самообладание! – восхитился первый. – Учись, Колька, пока он жив. А может, ты рехнулся от страха и не видишь этой штуки? – добавил он, обращаясь к Самохину и тыча ему под нос пистолет.

– Да нет, я в своём уме, – объяснил инспектор. – И вижу, что вы не шутите. Что вам от меня нужно?

Первый усмехнулся.

– Сущей безделицы, – бросил он, сплюнув. – Всего лишь твоей собачьей жизни.

– Она не продаётся.

– Мы знаем, что бессребренник. Поэтому и берём её задаром. – Он подмигнул товарищу и поднял оружие.

Самохин решил, что ему крышка.

Но выстрела не последовало.

Пистолет внезапно исчез. Исчез и тот, кто им размахивал. Разумеется, и его напарник – тоже.

Ошеломлённый, он минуту-другую постоял посередине гостиной, пытаясь преодолеть состояние, подобное трансу или шоку.

Когда способность мыслить и чувствовать к нему вернулась, он оказался в ещё большем затруднении. Неужто эти головорезы ему пригрезились? – подумал он в смятении. Галлюцинации могли означать только одно: болезнь, уложившая его на больничную койку, приняла новые формы. Он был близок к панике, когда на чистом полу заметил грязные следы, оставленные отнюдь не фантомами.

Он наклонился, изучая загадочные разводы...

– Добрый день, Павел Игоревич...

Инспектор поднял голову и тотчас увидел хозяйку приёмной Службы Окружающей Среды; она торопливо шла через прихожую, держа в левой руке полиэтиленовую авоську с портретом Софии Ротару.

– Добрый день, Нина Юрьевна, – ответил Самохин, идя навстречу своей сотруднице.

– Я была в больнице... но мне сказали, что вы уже выписались, – объяснила девушка, остановившись на пороге в гостиную. – Извините, что опоздала... Вы что-то потеряли?

– Да, Нина Юрьевна. Но не «что-то», а «кого-то». У меня только что были непрошенные гости – два таких доморощенных гангстера, вооружённых пистолетами. Недвусмысленно угрожали расправой... И вдруг исчезли. Словно испарились. Прямо на моих глазах. Хорошо, следы оставили, иначе – мне пришлось бы признать себя сумасшедшим. Я уж было собрался вернуться в больницу, чтобы полечиться от зрительных, слуховых и, так сказать, осязательных галлюцинаций: они тащили меня от

входной двери до гостиной, и мои руки всё ещё помнят их железную хватку... Ума не приложу, куда подевались эти несостоявшиеся убийцы?

Девушка пожевала свои алые губы, не то о чём-то сожалела, не то на что-то досадуя. Возможно, ей набили оскомину страсти, которые инспектор разжигал вокруг собственной персоны.

– Известно – куда. Выскочили через открытые окна, – сказала она с решимостью утопающего, который за неимением верёвки, довольствуется соломинкой. – Ретировались, увидев свидетеля...

– Вы имеете в виду себя?

– Конечно. Успокойтесь, Павел Игоревич.

Но Самохин не успокаивался.

– Стало быть, они вернутся, когда не будет свидетелей, – пробормотал он, падая духом.

– Да, если следовать логике, – согласилась девушка. – Но преступники чаще всего руководствуются эмоциями – это сбивает с толку криминалистов, которые ведут расследования дедуктивными методами. – Она помолчала. – Разрешите мне смыть эти злополучные пятна на полу, чтобы покончить с надоевшим инцидентом, и накормить вас обедом? Я принесла несколько яблок и пельмени в термосе.

Инспектор поднял вверх руки.

– Перед пельменным аргументом я пасую, – объяснил он серьёзно. – Тем более что у меня найдётся кое-что выпить...

– Теперь я знаю, что поднимает дух у мужчин, – сообщила девушка тоже вполне серьёзно.

Глава десятая

Пока Самохин раскладывал по тарелкам пельмени, резал хлеб и откупоривал бутылку с водкой, девушка сотворила чудо в области домашнего уюта. Старую примелькавшуюся мебель она столкнула с насиженного места, чтобы показать её с лучшей стороны, сбрызнула горшки с геранью и глоксинией; на столе, застланном скатертью, о которой хозяин имел весьма смутное представление, поставила сияющую чистотой хрустальную вазу (до сего случая эта посуда пылилась на книжном шкафу) и наполнила её крупными пунцовыми яблоками.

Теперь моя золушка, подумал инспектор с радостным изумлением, наверняка больше не чувствует себя падчерицей.

Его удивили не сами перемены, а то, как с помощью безошибочного вкуса и вдохновенного артистизма гостя преобразила его мрачную берлогу в нечто, более цивилизованное...

– Вот что значит – женщина в доме, – сказал он вслух, входя в гостиную с подносом.

– Если для вас женщина столь много значит, женитесь, Павел Игоревич, – отозвалась девушка, опускаясь в кресло. – Или нет никого на примете?

Он выразительно развёл руками.

– Есть одна, и та замужем.

– Зачем же так безнадежно?

Он пожал плечами.

– Я же сказал, что она замужем. Какая тут может быть надежда?

– Разведите. Быть может, она спит и видит, чтобы вы увели её от нелюбимого мужа.

Самохин пристально посмотрел на гостью.

– Ловлю вас на слове, Нина Юрьевна. Речь идёт о вас.

Девушка, казалось, ничуть не удивилась.

– Садитесь за стол, Павел Игоревич, а то пельмени окончательно остынут. Будьте здоровы, – подняла она стопку.

– Ваше здоровье, Нина Юрьевна. Мне кажется, вы тоже кого-то видите, когда спите?

– Я снов не вижу.

Помолчали какое-то время, закусывая ещё тёплыми пельменями.

– Вы... прекрасная... ещё и как стряпуха, – похвалил он.

– Спасибо.

– Позвольте мне увести вас от вашего мужа... который смеет... позволяет себе... мягко говоря... поднимать на вас руку?

Она чуть заметно улыбнулась.

– У меня нет... и не было мужа.

Он перестал жевать.

– А как же ваши синяки под глазами?..

– Это моя невинная уловка. Я рисую их с помощью макияжа... чтобы оградить себя от предложений несерьёзных донжуанов.

– Стало быть, я из серьёзных донжуанов, если вы охотно раскрыли свои карты?

– Вы серьёзный мужчина, Павел Игоревич, а донжуан вы – никакой, – поправила она.

– Это хорошо или плохо?

– Напрашиваетесь на комплимент? – ответила она вопросом.

Они снова помолчали, закусывая пельменями очередной глоток водки.

– О чём вы сейчас думаете, Нина Юрьевна?

– Если я правильно вас поняла, вы только что сделали мне предложение выйти за вас замуж?

– Да.

– Что вас побудило?

– Вы очень хороши собой...

– Этот аргумент мало убедителен.

– Позвольте, я приведу другие...

– Вам сорок лет – извините, что воспользовалась анкетными данными из вашего личного дела; за последние минимум двадцать лет вы наверняка немало встречали красивых женщин, однако до сих пор не женаты. Выходит, красоты было недостаточно для брака?

– Вы правы, Нина Юрьевна... Если вы ответите согласием, то я женюсь на необыкновенно красивой, умной девушке и... человеку, который спас мне жизнь, в одном лице.

– Я же сказала, что эти бандиты покинули вашу гостиную, воспользовавшись открытыми окнами.

Но Самохин не сдавался; у него, по-видимому, для этого были веские основания.

– Да, вы это мне уже говорили. Но я думаю иначе. Исследуя пол, я обратил внимание на одну весьма любопытную странность: следы почему-то обрывались посередине комнаты... Если гангстеры воспользовались окнами, как вы настаиваете, то предварительно им пришлось обернуться в голубков. Что вы сделали с моими непрошенными гостями?

– Это вы настаиваете, Павел Игоревич, – похоже, девушка начинала сердиться. – Чего ради?

– Истины.

Девушка положила на стол вилку и обратила к инспектору своё прекрасное лицо, обрамлённое светлыми волосами; её синие глаза смотрели на него не то настороженно, не то испытывающе.

– Если я скажу вам правду, то у вас тотчас пропадёт охота брать меня в жёны, – предупредила она. – Вы испытываете судьбу, Павел Игоревич.

– Я полюбил вас в первый же день, когда вы появились у нас в конторе. Ни испытания, ни пытки не заставят меня отказаться от вас, Нина Юрьевна.

Девушка снова глянула на Самохина; судя по выражению её глаз, она была полна какой-то мрачной решимости.

– Посмотрим, чего стоит ваша любовь. Я обладаю способностью, за которую в средневековье сжигали на костре иезуиты...

– Я не верю в ведьм. Не пугайте меня, Нина Юрьевна.

– Я пострашнее, чем ведьма. Гангстеров я вышвырнула за пределы нашего времени.

Судя по реакции, для инспектора ответ девушки отнюдь не был неожиданным.

– Так им и надо, – одобрил он. – Иначе пролилась бы кровь. Куда именно?

– В будущее, которое наступит через год... Что же касается вашего предложения выйти за вас замуж, я вынуждена ответить отказом.

– Кем или чем вынуждены?

– Чувством милосердия.

– Вот как! Вы шутите?

– Нет, что вы... Женщины вздорны, импульсивны и непоследовательны... – попыталась она объяснить.

– Не наговаривайте на самую прекраснейшую из половин человеческого рода, – предостерёг он, перебивая свою собеседницу.

– Повинуясь любому из названных свойств женской слабости, – продолжала она, – однажды, в недобрый час случайной размовки, я отправлю вас следом за вашими террористами...

– Милая Нина Юрьевна, вы забыли об отходчивом женском сердце и дюжине других добродетелей, которыми оно полнится. Вы непременно пожалеете своего бедного супруга и вернёте его обратно, если это случится. Единственное, что может воспрепятствовать нашему браку, это мой преклонный возраст: ведь я вдвое вас старше.

– Не смешите меня, Павел Игоревич, – улыбнулась девушка. – Тут-то как раз всё в порядке. Мне не двадцать, как вам показалось, а почти тридцать... Ну, будьте здоровы, – добавила она, поднимаясь. – Мне пора. Уже темнеет.

На прощание они договорились, что будут встречаться, когда им обоим этого захочется, на неопределённое время оставаясь женихом и невестой.

Проводив свою необыкновенную невесту, Самохин раскрыл томик Петрарки и сел в кресло, что стояло под торшером. Сонет, который начинался строчками

Есть существа, которые летят
навстречу солнцу, глаз не закрывая...

ему показался созвучен его нынешнему настроению. Он отложил книгу, гадая, насколько переводы Солоновича близки к оригиналу. Затем разделся и лёг в постель, надеясь, что сон долго ждать себя не заставит.

Но сон не шёл; его, по-видимому, отпугивали мысли, навеянные последними событиями.

Несмотря на его философское образование, он был больше мечтателем и фантазёром, чем мыслителем.

По-видимому, мир не столь прост, как представляется мне, когда я наблюдаю его с высоты птичьего полёта, размышлял он, лёжа на кровати. Не прост и сам человек с его далеко не познанной психикой, в чём я убедился в последнее время, столкнувшись с феноменом Аристарха Иннокентьевича и Нины Юрьевны. Кроме моих знакомых, наверняка должны быть и другие люди, обладающие столь же необычными способностями: творя, Природа не довольствуется единичными экземплярами, закон избыточности и тут непременно сработал. Стало быть, я имею дело с новой разновидностью хомо сапиенс – хомо темпорас.

Он поверил в существование племени триархов не потому, что был легковерен. В особенных, экстремальных ситуациях психика человека действительно способна как-то воздействовать на время, которое при этом может ускоряться, замедляться или вообще останавливаться. Поверил потому что он сам испытал однажды нечто подобное...

Случилось это с ним лет десять–пятнадцать назад, ранней весной, когда то подмораживает, то подтаивает – в зависимости от времени суток. Он возвращался домой с работы, по обыкновению, пешим ходом («запорожец» у него появился годом позже). Денёк был на редкость ясный и тёплый. Если бы не лавина автомобилей, чихающих выхлопными газами ему под нос и

потрясающих его барабанные перепонки своим рёвом, ощущение весны было бы ещё более полным. Шёл, глядя в оба, когда пересекал многочисленные переулки, чтобы не составить печальную компанию тем несчастным, что погибли и продолжают погибать на автомобильных дорогах. Очевидно, поэтому он не заметил опасность, подстерегавшую его на тротуаре, – кусок подтаявшего льда, который выбил из-под него опору и опрокинул его навзничь... Не желая испытывать прочность своего затылка, он всеми силами смятенной души и неуправляемого тела пытался удержаться от, казалось, неизбежного падения... Тут произошло невероятное: внезапно его внутреннее время ускорило темп, падение, наоборот, замедлилось, и он тихо, словно семечко одуванчика, опустился на свои заранее подставленные полусогнутые в локтях руки.

Глава одиннадцатая

Утром следующего дня инспектор поднялся до боя будильника. Было шесть часов с четвертью. Он мог бы отдохнуть ещё целых две недели: больничный лист, лежащий у него в кармане, гарантировал ему это право. Но он решил выйти на работу, чтобы управиться с делами, накопившимися за время его болезни. Тем более, что это был как раз тот день – вторник, – когда его коллеги по службе и руководители неблагополучных предприятий, по обыкновению, собирались в кабинете Альбертины Абрамовны на совещание.

С отдыхом успеется, сказал он себе, делая зарядку.

Когда было покончено с гигиеническими процедурами, он сделал бутерброды с маслом, налил стакан чаю и отправился в гостиную, чтобы, не теряя даром времени, посмотреть телевизионные новости.

«За счёт тёплых грунтовых вод, которых становится всё больше, вечная мерзлота Российского Заполярья начинает интенсивно таять, – говорил диктор, то и дело заглядывая в бумагу. – Тундра становится непроходимой даже для вездеходов. Нефтянники и шахтёры попали в затруднительное положение.

Бельчане перестали ездить на городском транспорте из-за непомерно, по их мнению, высоких цен на проездные билеты.

Бастуют рыбаки тихоокеанских рыбных промыслов, требуя, чтобы их труд оплачивался валютой, поскольку основная масса их улова уходит за границу.

Японцы вернули последнюю партию древесины, посланную по договору Байкальским леспромхозом. Сердцевина брёвен оказалась трухлявой. Повторная посылка не спасла положение. Леспромхоз объявил себя банкротом, будучи не в состоянии оплатить неустойку. Деревья – в том числе сосна, кедр и лиственница, – растущие в окрестностях озера, поражены грибом неизвестного происхождения.

Таштагольские рудокопы нашли клад монет из золота и палласита в... отложениях девона – геологического периода, имевшего место 310–275

миллионов лет назад. Находки представляют не только научную, но и ювелирную ценность...»

Самохин жил в старом районе города в квартире на пятом этаже, куда подавалась вода с непредсказуемыми перебоями. Но он утешался тем, что под боком находились частные гаражи, в одном из которых и для его видавшего виды «запорожца» нашлось место.

Плохие новости ожидали инспектора и на службе.

Нина Юрьевна уже всюду трудилась; трескотню её пишущей машинки Самохин услышал ещё в автомобиле с невыключенным двигателем.

– Доброе утро, Нина Юрьевна, – сухо вато поздоровался он, входя в приёмную.

Девушка подняла глаза от работы, улыбнулась, отнеся его сдержанность на счёт деловой обстановки.

– Здравствуйте, Павел Игоревич.

– Все в сборе?

Вместо ответа девушка неопределённо пожала плечами; смысл её маловыразительной пантомимы стал ему ясен после того, когда он вошёл в кабинет шефа.

Вопреки его ожиданиям, в кабинете были только «свои»: лаборантка из санэпидемстанции, санитарный врач, два инспектора по охране окружающей среды, не считая его самого, эксперт санэпидемслужбы и, конечно, Альбертина Абрамовна.

Он поздоровался и сел на своё место. На его лице был написан вопрос, смысл которого не нуждался в словесном выражении.

– Что, сегодня директоров и главных инженеров на совещании не будет? – осведомился, глядя на хозяйку кабинета.

Но Альбертина Абрамовна промолчала, сделав вид, что всё её внимание поглощено бумагами, лежащими на столе.

– Их не было и на прежнем совещании, – ответил за неё один из инспекторов, молодой человек в очках, с жидкими чёрными усиками, Александр Антонович Новиков. – Случилось чэпэ, Павел Игоревич.

– Что именно?

– Чтобы выяснить это, – продолжал Новиков, – мы с Альбертиной Абрамовной отправились – для начала – в Целлюлозное объединение... – Он замешкался.

– И что же?

– Язык не поворачивается... Нас там встретили... солдаты... вооружённые боевыми автоматами.

– Стало быть, деньги, предназначенные для оплаты штрафа, дирекция объединения предпочла потратить на защиту от самих служащих, которые охраняют Природу?

– Да, Павел Игоревич. Потом мы побывали ещё на двух–трёх предприятиях...

– Приём был тот же?

– Абсолютно. Точно договорились.

– Мир стремительно катится в тартар... – начал Самохин, пожав узкими плечами интеллигента.

– Это, к сожалению, видно только нам, специалистам, – перебивая его, отозвалась Альбертина Абрамовна. – Обыватели не замечают перемен, происходящих в окружающей среде в связи с её загрязнением. – Она помолчала. – Мы представляем им этикими перестраховщиками, некоей помехой для достижения их корыстных целей. Солдаты с оружием, по их мнению, – наилучшее средство, способное решить разом все экологические проблемы.

– Что же нам теперь делать? – простонала лаборантка, блондинка лет сорока, и оглянулась назад, словно ища поддержки.

– То, что следовало с самого начала, – решительно продолжала Альбертина Абрамовна. – Обратиться к услугам средств массовой информации, – объяснила она, – чтобы втолковать как можно большему числу людей, что хлориды, фенолы, шестивалентный хром, двуокись азота, формальдегиды, обнаруженные в промышленных сбросах, ведут к экологической катастрофе, суть которой – мёртвые водоёмы, отравленный воздух, высокая смертность детей, рак, астма, дебилизм и прочие мыслимые и немыслимые недуги... Мы будем бить во все колокола...

Самохин пошевелился на сиденье, по-видимому, пытаясь привлечь к себе внимание присутствующих.

– Я понимаю вашу боль, Альбертина Абрамовна, – сказал он, делая ударение на каждом слове и глядя на того, к кому обращался. – Но не разделяю ваших надежд на печать и телевидение, – добавил он, хмурясь. – Большинство людей засыпает, когда речь заходит о защите Природы, полагая, что она неистребима... и никаким набатом эту блаженную часть человечества не разбудишь.

– Резонно, – отозвался эксперт санэпидслужбы, мужчина лет пятидесяти, с совершенно белыми волосами и чёрными сросшимися бровями. – Резонно, – повторил он. – Особенно, если учесть то обстоятельство, что в нашем прагматическом мире места для чудес не осталось. Вы, конечно, как всегда, имеете «своё особое мнение», Анжелика Георгиевна? – повернулся он к санитарному врачу, женщине примерно одного с ним возраста.

– По паспорту я Анжелина, – с наигранной обидчивостью объяснила та. – Извольте называть меня правильно.

– Изволю. Так как же насчёт вашего «особого мнения»?

– Я полагаю, что тут без войск ООН не обойдёшься, Николай Федорович...

Эксперт явно не ожидал подобного ответа.

– Ну... – растерялся он, – если вы ещё способны шутить... значит, не всё потеряно... Анжелика Георгиевна.

– Я же просила...

– Простите...

– Я тоже подумал об Организации Объединённых Наций... в связи с нашими трудностями, – подхватил младший инспектор, которого мы ещё не успели представить. Речь идёт о будущем светиле науки, только что окончившем медицинский институт в Санкт-Петербурге, где живёт его бабушка; белокурый и пухленький, он напоминал кого-то со стрелами и колчаном – не то Амура, не то Купидона. – Идея не лишена смысла. Подобные дела надо делать всем миром. Правда, Павел Игоревич? – обратился он к Самохину за поддержкой.

Старший инспектор кивнул.

– Правда, Игорь Павлович («Павел Игоревич наоборот», как именовали его сослуживцы в шутку), – сказал он. – Правда, если к помощи ООН вы относитесь серьёзно...

– Абсолютно, – заверил молодой человек. – Смертному подобает быть серьёзным. Смех – удел богов, поскольку у них впереди Вечность.

– Стало быть, смеющийся человек подобен богу? – осведомилась Анжелина Георгиевна, подмигнув эксперту.

Но тот промолчал, не приняв её лукавого вызова.

– Ничего это не значит, Анжелина Георгиевна, – назидательно сказал «Павел Игоревич наоборот». – Олимпийцы, то есть боги, смеются от сознания духовного и физического здоровья. В основе же человеческого смеха лежит истерия, питаемая нездоровыми явлениями нашего эфемерного существования.

– Но, смеясь, мы протестуем против того, что нас не устраивает в жизни, – весело продолжала санитарный врач. – Смеясь, по крайней мере, мы забываем о печальном финале, который ожидает всякого смертного. Ха-ха-ха!..

Юный теоретик природы смеха не на шутку всполошился, увидев явные, по его мнению, симптомы истерии.

– Успокойтесь, Анжелина Георгиевна...

Глава двенадцатая

В конце концов всякое совещание, каким бы оно ни было – скучным или весёлым, – непременно приходит к завершению.

Самохин собрал бумаги, положил их в папку и вышел из-за стола, направляясь к выходу.

– Все свободны, – с некоторым опозданием объявила Альбертина Абрамовна. – Кроме вас, Павел Игоревич, – поспешно добавила она, устало откидываясь на спинку стула.

Самохин тотчас вернулся на прежнее место, гадая, зачем он понадобился шефу.

– Я слушаю вас, Альбертина Абрамовна, – сказал он, когда они остались с глазу на глаз.

– Минуточку, Павел Игоревич, – попросила женщина, извлекая из коробки сигарету с фильтром, раскурила её с помощью газовой зажигалки, раз-другой затянулась с видимым удовольствием, затем неуверенным шагом подошла к Самохину.

– Вы всё ещё не можете прийти в себя после встречи с солдатами? – посочувствовал инспектор.

Альбертина Абрамовна вымученно улыбнулась.

– Вы не знаете всего, что случилось в ваше отсутствие... – Она села на краешек стула и сосредоточила своё внимание на погасшей сигарете. – Простите, что не нашла времени попроведать вас в больнице. Как себя чувствуете?

– Я здоров, Альбертина Абрамовна, – заверил инспектор. – То, что меня не выписали с бюллетня, не имеет значения. Так что же произошло, пока медики ставили меня на ноги?

Женщина медленно перевела взгляд с сигареты на своего собеседника.

– Беды не ходят в одиночку... В общем... на следующий год нашей группе отказали в финансах, – скороговоркой сообщила она, по-видимому, мобилизовав всё своё мужество.

– Этого следовало ожидать после инцидента с солдатами, – не сразу отозвался Самохин.

– Я ко всему была готова... Но такого вероломства не ожидала!.. Я ничего не понимаю, – простонала Альбертина Абрамовна, отчаянно всплеснув руками, – хотя вроде небезграмотна и не дура...

– Чтобы постичь логику стяжателей, способных зарабатывать на матери – я говорю о Природе, породившей всё живое на планете, – не обязательно быть семи пядей во лбу и обладать инструментом тензорного исчисления.

Но женщина, у которой порождения зла выбили почву из-под ног, не слышала утешений.

– Это конец. Всему конец.

– Зачем же так мрачно? В нашем распоряжении ещё полгода...

– Полгода и плюс Вечность, – поправила Нина Юрьевна, внезапно появляясь в кабинете. – Извините, что подслушала ваш разговор. Я разделяю оптимизм Павла Игоревича, – объяснила она, садясь за соседний стол.

Альбертина Абрамовна с явной досадой посмотрела на машинистку.

– Я не хотела широкой огласки... – начала она.

– Я буду держать язык за зубами, – пообещала девушка.

– Пожалуйста, сделайте одолжение. Что вы имели в виду, говоря о Вечности?

– Я хочу сказать, что настоящая работа нашей службы только начинается; она выполнит свою миссию, несмотря на угрозы оружием и отказ в финансовой поддержке.

– Но теперь мы связаны по рукам и ногам...

– Это уже не имеет никакого значения. Экология настолько больна, что к борьбе за её здоровье вынуждена будет подключиться вся мировая общественность.

– Что же она мешкает?

– Не пришло время.

– Напротив, уже поздно.

– Вы правы. Но большинство смертных лишены нюансов, не столь чутки, как вы; они начинают действовать только тогда, когда оказываются перед непосредственной опасностью, угрожающей их жизням. Вспомните народную поговорку «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится».

Альбертина Абрамовна заметно повеселела.

– Вы славная девушка, Нина Юрьевна, – улыбнулась она. – Спасибо на добром слове. Вам ещё раз удалось убедить меня, что падать духом не стоит ни при каких обстоятельствах...

Тут внезапно настезь распахнулась дверь, судя по характерному стуку, от удара пинком. Тотчас в кабинет ворвалось двое солдат с автоматами; один из них был с лычками сержанта на погонах; следом за ними вошёл генеральный директор Целлюлозного объединения Галкин, являя всем своим видом независимость безнаказанного громилы.

Самохин обладал, помимо прочих достоинств, отменной реакцией, железными нервами и живым воображением.

– Прежде опечатаем целлюлозную фабрику, которую её безответственные руководители именуют «объединением», – сказал он своим смущённым дамам. – Потом – непременно – четвёртую коксовую батарею в назидание другим предприятиям, злостно пренебрегающим экологическими нормами.

– Ну что ж, – поддержала игру инспектора Альбертина Абрамовна, – придётся, как ни печально, прибегнуть к крайним мерам. Нина Юрьевна, приготовьте соответствующие документы...

– Будет сделано, Альбертина Абрамовна, – бодро отозвалась девушка, извлекая невесть откуда кипу писчей бумаги и шариковую самописку. – Пожалуйста, поставьте свои подписи под текстами, которые я, не мешкая, отстучу на пишущей машинке...

Словом, всё было разыграно, как говорится, по нотам и даже немного лучше.

Однако это вдохновенная инсценировка не смутила бумажное начальство.

– Не валяйте дурака, – бросило оно небрежно. – Вы арестованы.

Солдаты, стуча сапогами, подошли поближе к работникам Окружающей Среды.

– Это вы корчите из себя идиота, Георгий Степанович, – уточнил Самохин, чеканя каждое слово. – Не пугайте женщин. Прикажите своим войкам убрать автоматы.

– И не подумая, – усмехнулся тот. – Ваша лавочка закрывается... на неопределённое время. Так-то. Допрыгались, чистоплюю бескомпромиссные... бескомпромиссные... бескомпромиссные...

Альбертина Абрамовна достала сигарету и, закурив её, жадно затянулась дымом.

– Выходит, бог всё же существует на белом свете, – промолвила она, облегчённо вздыхая. – Наказание последовало незамедлительно... Слава тебе, господи...

Но инспектор искал истоки возмездия в иных, более близких к земле, сферах.

– Что вы с ним сделали? – кивнув в сторону заикающегося Галкина, осведомился он у Нины Юрьевны.

– Точнее – из него.

– Пусть будет по вашему. Итак?..

– Так называемую старую пластинку – эффект, возможный при остановке времени.

– Вы обладаете опасным оружием...

– Это средство самозащиты. Средство, которое могло бы стать опасным оружием, если бы попало к недобрым людям; но, к счастью, оно в руки таковым не даётся.

– По русской пословице «Бодливой корове бог рога не даёт»?

– Что-то в этом роде. Так или иначе, но Клуб безаппаратных путешественников во времени не знает случая, чтобы кто-нибудь из его членов использовал свою способность во зло.

– Вы член этого клуба?

– Да.

– Стало быть, вы знакомы с неким Аристархом Иннокентьевичем?

– Знакома.

– ... бескомпромиссные... бескомпромиссные... бескомпромиссные...

– монотонно бубнил бумажный директор, на лице которого застыла маска самодовольного кретина; он и его подручные напоминали собой иллюстрацию к сказке о спящей царевне.

Альбертина Абрамовна курила сигарету за сигаретой; судя по её сосредоточенному виду, она пыталась разобраться в том, что происходит перед её глазами.

– ... бескомпромиссные... бес... – вдруг оборвалось на полуслове, и Самохин, ещё не видя, догадался, что незваные гости исчезли.

Он снова повернулся к девушке.

– Куда вы их отправили? – деловито осведомился он.

– Туда же, где находятся ваши гангстеры.

– Я всё поняла, Нина Юрьевна, – сообщила Альбертина Абрамовна, закуривая новую сигарету от старой.

– Ну и слава богу. Между прочим, это тоже не подлежит широкому разглашению... до поры до времени.

– Хорошо, хорошо. Мы будем держать языки за зубами. Верно, Павел Игоревич?..

Глава тринадцатая

– Нина Юрьевна, – сказала Альбертина Абрамовна, которая, судя по окрепшему голосу, пришла в себя от потрясений, вызванных только что описанными событиями, – в начале прошлой недели вы просились в отпуск. Тогда я вам отказала...

– Вы хотите сказать, что сегодня вы меня отпускаете? – нетерпеливо уточнила девушка.

– Да, Нина Юрьевна. Отдыхайте и вы, Павел Игоревич... согласно больничному листу, выданному медиками, чьими предписаниями пренебрегать не следует. Никаких возражений не принимаю, – предупредила она инспектора, сделавшего недовольную мину на лице. Она встала, приглашая сотрудников последовать её примеру. – Всего вам доброго.

Альбертина Абрамовна права – самое время расслабиться, подумал Самохин. Впрочем, ничего другого нам сейчас не остаётся. Что ж подождём чудес, которых обещают триархи.

Он вышел из кабинета следом за Ниной Юрьевной. Вопреки его ожиданиям, девушка не задержалась в приёмной.

– Павел Игоревич, как собираетесь провести эти две недели? – спросила она, останавливаясь против «запорожца».

– Мне всё равно, – ответил он, не задумываясь, – только бы с вами вместе, Нина Юрьевна.

– Я охотно составлю вам компанию, если вы отвезёте меня куда-нибудь на свежий воздух.

– Отлично. Но для начала я отвезу вас в какую-нибудь обжорку. Время (Самохин мельком глянул себе на запястье) как раз обедать. За столом обсудим детали. Хорошо?

Вместо ответа девушка забралась в машину, чему-то загадочно улыбаясь.

Самохин уже начал понемногу привыкать к сюрпризам своей невесты, однако для восприятия того, что она предложила ему на этот раз, когда он сам сел за баранку, всё равно готов не был.

– Не будет ересью, если мы пообедаем в ресторане одиннадцатилетней давности, так называемого времени застоя? – осведомилась Нина Юрьевна, серьёзно глядя в глаза инспектору.

– Полагаю... э-э-э... не будет.

– В ту пору лучше кормили, и блюда стоили в пятьдесят раз дешевле, – продолжала она, деловито обосновывая преимущества своего предложения.

– Я полностью с вами согласен.

– Тогда отправляемся...

– Подождите... Сперва машину в гараж поставлю...

– Зачем? Она и в недалёком прошлом нам пригодится.

– Вы хотите сказать, что способны... зашвырнуть на десятилетие назад... нас вместе с автомобилем?!

– Именно это. И не только сказала... – девушка выдержала эффектную паузу, – но и сделала.

Самохин нервно повертел головой, глядя через стёкла обзора; вместо обжитого заасфальтированного квартала он увидел пустырь, заросший лебедой, крапивой и репейником. Разумеется, здания, в котором помещалась контора Службы Окружающей Среды, не было и в помине.

Инспектор окончательно поверил в невероятные возможности своей невесты.

– Это ваша реальность? – уточнил он.

– Да.

– Вам много понадобилось усилий для того, чтобы переправить сюда мой драндулет со всем его содержимым?

– Не более чем вам, когда вы произносили эту длинную фразу. Вы забыли про обед, – напомнила девушка.

– В самом деле, – спохватился Самохин, поворачивая ключ зажигания.

– Что вы скажете о «Трёх берёзках»?

– Хорошая обжорка, как вы выражаетесь. Но я предпочитаю обедать дома.

– Вы приглашаете меня в гости?

– Да.

– Спасибо, Нина Юрьевна. Охотно принимаю. Каждый раз, как захотите есть, вы делаете экскурс в прошлое?

– Конечно. И даже несколько раз в день. Я тут живу. В вашей реальности у меня нет жилища. Мама не доживёт до вашего времени, а папа приведёт в дом недобрую мачеху...

– И вы с ней не поладите?

– Да.

– Что же с вами станется?

– Не всё сразу, Павел Игоревич.

– Простите, Нина Юрьевна. В каком краю находятся ваши пенаты, которые я заранее благословляю?

– В Черёмушках.

Черёмушками называлось село, находящееся в тридцати километрах от Новоельска.

До перестройки совхоз промышлял молоком и мясом. Из-за ограниченных угодий хозяйство закупало корма у соседей. Теперь оно распалось на отдельные фермы, что отнюдь не спасло его от дальнейшего упадка. Порочная дифференциация, ставшее знаменем нашего времени, и тут сделала своё чёрное дело. Сельчане всё больше уповали на свои огороды и подворья. Реформы, как и деревья, плодоносить начинают не сразу.

– С помощью чего – автобуса или электрички – вы добираетесь из дому до нашей конторы? – поинтересовался инспектор, подъезжая к Черёмушкам.

– С помощью того же экстрасенсорного эффекта, что переносит меня из одного времени в другое, – буднично объяснила девушка, рассеянно глядя в ветровое окно. – Время и пространство взаимосвязаны...

– И вы ими обоими повелеваете?

– Конечно.

– Стало быть, мы могли бы оказаться в Черёмушках во мгновение ока, если бы вы пожелали?

– Безусловно.

– Тогда зачем вам понадобился мой ржавый «запорожец»?

Девушка беспечно усмехнулась.

– Мне захотелось хоть раз в жизни появиться дома не на метле, а на обычном человеческом транспорте, как все нормальные люди...

– Выходит, и у триархов есть свои комплексы... Я бы не позавидовал «нормальным» людям: вспомните «часы пик», непредсказуемость графика, согласно которому движется «обычный человеческий транспорт»...

Следуя указаниям своей спутницы, Самохин съехал с асфальтированного шоссе на просёлочную дорогу, идущую между двумя рядами изб деревенского типа.

По обочинам под кустами черёмухи скреблись куры, играли дети. В колдобинах, наполненных жидкой грязью, блаженно нежились свиньи. Кое-где у калиток на лавочках сидели старушки, провожая глазами тархтящий «запорожец».

За дощатыми воротчиками инспектора недружелюбно встретила в общем не злая чёрно-белая собака, не слишком чистокровная лайка; но Дамка – такова её кличка, – по-видимому, доверяла смелым мужчинам, и они тут же поладили.

Худенькая простоволосая женщина, поившая во дворе телёнка, подала Самохину руку, предварительно вытерев её о фартук; она назвала себя по имени и отчеству: Мария Григорьевна.

– Мама, это Павел Игоревич, – представила инспектора Нина Юрьевна, – мы с ним работаем в одной организации. Где папа?

Женщина загнала телёнка в стайку, поставила перед ним ведро с остатками поила.

– На ферме, поди, – предположила она. – Где ему быть? Жду его к обеду. – Она мельком глянула на Солнце. – Вот-вот придёт – вместе и отообедаем...

– Заходите в дом, Павел Игоревич, – предложила Нина Юрьевна, быть может, впервые играя роль гостеприимной хозяйки. – Прошу вас. Включите телевизор или почитайте что-нибудь, пока мы с мамой собираем на стол скромное угощенье...

– Может быть, моя помощь требуется? – предложил Самохин свои услуги. – Пожалуйста, не церемоньтесь со мной, Нина Юрьевна. Как всякий холостяк, я в кухне кое-что смыслю... Скажите только...

Девушка улыбнулась.

– Хорошо, Павел Игоревич, – пообещала она. – Если потребуется, обязательно скажем.

Инспектор поднялся на несколько ступенек и оказался в помещении, больше напоминавшем дачную веранду, чем деревенские сенцы. Посредине стоял деревянный стол, покрытый холщёвой скатертью; на нем он увидел торт,

несколько кульков и бутылку шампанского – предметы, которые они с Ниной Юрьевной привезли из города в качестве гостинцев. Следующая дверь привела его в обширную комнату, что, по-видимому, была кухней, столовой и гостиной одновременно. Справа находилась русская печь, стоял шкаф с посудой, слева в простенке между двумя дверями, ведущими, скорее всего, в спальню, громоздилось огромное допотопное трюмо со столиком, на котором лежала стопка книг. В углу поблескивал экран телевизора, а выше, почти под самым потолком, располагалась скромная божничка с ликами Иисуса Христа и Николая Чудотворца. Комната освещалась тремя окнами: два были обращены на солнечную сторону, третье смотрело на восток и предназначалось исключительно для закутка у печи, чтобы хозяйка видела свои чугушки и ухваты.

Самохин взял со столика книгу, – к его приятному удивлению, то был Франческа Петрарка – и вернулся на веранду. Сонет, на котором открылся сборник, через семь без малого столетий после его создания нашёл Самохина, чтобы стать частью его жизни:

Покинув нечестивый Вавилон,
рассадник зла, приют недоброй славы,
где процветают мерзостные нравы,
где я до срока был бы обречён,

я здесь живу, природой окружён,
и на Амура не найдя управы,
слагаю песни рву цветы и травы,
ищу поддержки у былых времён...

– Ищу поддержки у былых времён... – повторил инспектор вслух, вкладывая буквальным смыслом в метафору великого лирика.

– С кем это вы тут разговариваете, молодой человек? – услышал Самохин мужской весёлый голос.

Он поднял глаза от книги и увидел мужчину средних лет цыганского типа с насмешливыми чёрными глазами, с пышным чубом, слегка тронутым сединой; на нём были джинсы синего цвета, резиновые сапоги и нейлоновая бордовая куртка.

– Вы – папа Нины Юрьевны? – догадался инспектор.

– Один – ноль в твою пользу, парень. Юрий Миронович, – представился человек, похожий на цыгана и, по-видимому, бывший им. – С приездом. – Он подал руку Самохину.

– Павел Игоревич, – назвал инспектор в свою очередь.

– Здорово, Паша.

– Павел Игоревич.

– Я запомнил твоё отчество, Паша, – заверил хозяин гостя и похлопал его по плечу, доброжелательно смеясь. – У нас в селе принято простое обращение... Давай без церемоний, как у королей на уединении... Меня вон вся деревня, почитай, Юркой кличет, даже шкеты, которые «рэ» не выговаривают... а ведь я не чета вам с Нинкой. Я только свою бабу по

отчеству навеличиваю... по причине большого уважения к её... борщам и пельменям. Ха-ха! – Он от души посмеялся своей шутке. – Григорьевна, – позвал он, – где ты там со своим угощением?..

Тотчас на пороге веранды появились Мария Григорьевна и Нина Юрьевна, обе в белоснежных передниках и косынках; в руках у них были тарелки с пельменями, которые исходили душистым паром.

Хозяин выразил свой восторг оглушительными ударами в ладони.

– Похоже, обед обещает быть княжеским! – восхищённо предположил он, по-видимому, любивший поесть и выпить. – Дай бог, чтоб почаще приезжали к нам гости из города... Пододвигайся к столу, Паша. Куда же ты?..

– Спасибо, Юрий Миронович, – отозвался Самохин, поднимаясь с табуретки. – Книгу положу на место...

Но дело было не только в книге. Инспектору приспичило взглянуть на себя в зеркало, чтобы проверить дикую догадку, внезапно пришедшую ему в голову.

Он вздрогнул, увидев своё отражение на амальгаме, вернее – отражение человека, похожего на него: те же серые выпуклые глаза, светлые прямые волосы, чуть раздвоенный подбородок, то же удлинённое лицо, только... более молодое.

Значит, путешественник во времени молодеет... на столько лет, на сколько делает он экскурс в прошлое, подумал он с приятным ощущением открытия. Вот почему Юрий Миронович обращается со мной, точно с мальчишкой.

За первым открытием последовало второе, которое представлялось ему ещё более любопытным.

Итак, благодаря временным сдвигам его внешность претерпела существенные изменения. Однако духовно он остался прежним: опыт и знания не были им утрачены.

Впрочем, вполне естественно то, что я помолодел, забравшись в прошлое, снова подумал он; следовало ожидать, что нечто подобное произойдёт и с моими духовными ценностями. Но этого не случилось. Иначе – я многое потерял бы как личность и мне пришлось бы заново знакомиться с собственной невестой.

После обеда Юрий Миронович повёл своего гостя на ближайшее озеро, прихватив с собой удочки и, конечно, напроць позабыв про работу на ферме.

Мужчины накопили червей, взяли солидный запас крючков и лески, засунули в рюкзак «Определитель рыб в пресноводных водоёмах» – плод коллективного творчества спортсменов-рыболовов. Не забыли также соль, перец и лавровый лист, чтобы было чем заправлять уху, которая сама собой подразумевалась в процессе лова. А вот то, во что кладут карпа или карася, сняв с крючка, выпустили из виду. Впрочем, ни садок, ни котелок им не понадобились, поскольку они, как ни изощрялись, не поймали ни единой рыбки.

Бог с ней, с рыбкой, подумал Самохин. Я вовсе не чувствую себя несчастным оттого, что рыбацкий фарт мне не улыбнулся. Мне доставляет тихую радость сама возможность просто посидеть на берегу невозмутимого водоёма в недалёком прошлом, которое выглядит более или менее благополучным.

Но не таков был его товарищ по рыбацкому профилю: ему нужна была обычная рыба, а не её философский или лирический эквивалент. Отсутствие поклёвки он воспринимал как личное оскорбление, как злую насмешку или вызов на поединок; он не спускал глаз с намертво застывшего поплавка, шепча при этом не то заклинания, не то проклятья. В конце концов и он сдался.

– Ты что куришь, Паша? – смиренно осведомился он, присаживаясь рядом с инспектором, которому все страсти мира, в том числе и рыбацкие, сейчас, сию минуту были до лампочки.

– «Стюардесса» вас устроит.

– Сойдёт. Дареному коню в зубы не глядят... как говаривал, бывало, мой отец, угоняя к себе в табор колхозную клячу.

Подавая сигареты, Самохин испытывающе поглядел на своего собеседника; по-видимому, инспектор пытался понять по выражению лица, серьёзно ли тот говорит или шутит.

– Вы что, происходите из цыганского племени? – спросил он, не доверяя собственным наблюдениям.

Вместо ответа Юрий Миронович запел романс или что-то в этом роде не сильным, но довольно приятным баритоном:

Я и силой, и казной
был богат в избытке
и с красавицей женой
разъезжал в кибитке.

Вдохновенный, словно стих,
ловкий и везучий,
был меж родичей своих
конокрадом лучшим.

Но попался раз цыган
неудаче в лапы,
и в далёкий Магадан
сослан был этапом.

В неизвестные края
на коне вороном
ненаглядная моя
умчалась с бароном.

Глава четырнадцатая

– Освободившись из заключения, – продолжал Юрий Миронович уже в прозе, – я, к своему великому счастью, встретил Григорьевну и твёрдо решил, как отрезал, что сыт по горло таборной жизнью...

– Так это вы про себя пели в романсе? – уточнил Самохин, с ещё большим интересом глядя на своего собеседника.

– Да нет. Придумал его кто-то другой... кому захотелось выразить словами судьбы цыган, которые сидели в Магадане...

– Как долго вы пробыли в тюрьме?

– Без малого десять лет. Намного больше, чем давали первоначально. И намного меньше того срока, который потом заработал... Словом, не видеть бы мне свободы до конца жизни, если бы не один случай, который... э-э-э...

– Случай, природу которого вы объяснить не можете? – подсказал инспектор.

– Вот-вот...

– Что вы имеете в виду?

Юрий Миронович промолчал, задумчиво глядя на воду и прикуривая новую сигарету.

Самохин подсадовал на себя за распросы, которые наверняка разбудили в душе цыгана тяжёлые воспоминания. Он уже было потерял всякую надежду что-нибудь услышать о необъяснимом, таинственном случае, как тот снова заговорил:

– Однажды... дело было в начале лета, – продолжал Юрий Миронович после значительной паузы, – тех заключённых, за которыми числились большие сроки, среди них был и ваш покорный слуга – мне накидали около сотни лет... за неоднократные побеги и двух покалеченных охранников, – вывели из бараков и погнали на берег Охотского моря; нам сказали, что идём на Командорские острова бить котиков, затем заперли в трюме самоходной баржи. Подобные экспедиции случались и раньше; поговаривали, что с помощью них тюрьма избавлялась от своих неисправимых обитателей, топя их в открытом море. Но этим слухам никто не верил – они были слишком ужасны, чтобы походить на правду.

Юрий Миронович вспомнил про забытую удочку, насадил нового червя, поплевал на него, по обыкновению, и забросил снасть подальше от берега. Однако на этот раз, судя по автоматизму, с которым он проделал этот рыбацкий ритуал, он думал отнюдь не об улове.

– Сперва мы плыли на восток, – продолжал он, поворачиваясь к инспектору. – Потом направились на север... О том, сколько прошло времени с тех пор, когда нас засунули в тёмный трюм, мы только догадывались. Это была одна сплошная, на многие недели затянувшаяся ночь... попытка темнотой, неизвестностью и безвременьем... Тогда мне карцер казался раем, а это – далеко не лучшее место в Магадане. – Он криво усмехнулся. – Когда барка сделала разворот на запад, на северо-запад, – поправился он, – я понял, что мы

обогнули мыс Дежнёва, оставив позади Командоры. Страшные слухи обратились в уверенность. Тогда мы начали взламывать запоры, чтобы выбраться на палубу. Тут раздался оглушительный взрыв... который разнёс на куски нашу трухлявую посудину...

– Большинство погибло тотчас, – говорил он далее. – Одни были убиты обломками, которые упали им на голову, другие пошли ко дну от судорог... э-э-э...

– Спровоцированных холодными водами Чукотского моря, – подсказал Самохин.

– Один – ноль в твою пользу... А третьи просто не умели плавать...

– Как же вы-то спаслись?

– Не поверишь, если скажу... Всякий, кому ни говорил правду, на смех меня поднимал. Другой сердился, дескать, разыгрываю... Ну да ладно, слушай... Говорят, у человека, который легко поддаётся панике, нет шансов уцелеть во время кораблекрушения...

– Справедливо говорят, – подтвердил инспектор.

– Я вспомнил об этой расхожей истине, когда оказался в открытом море...

– Вовремя. И, конечно, постарались взять себя в руки?

– Само собой. Мои товарищи спасовали перед стихией, и она их поглотила. Между тем, человеческая жизнь стоит того, чтобы за неё бороться. Придя к этой мысли и забравшись на гребень волны, я, как мог, осмотрелся, но на горизонте ничего, похожего на землю, не увидел... кроме какой-то чёрной точки, маячившей, как мне показалось, на краю света: я решил, что это шлюпка с охранниками, которые сделали своё чёрное дело и теперь удирают. Я погрёб, ориентируясь на неё. Плыл остаток дня и всю ночь. Несмотря на энергичные движения, согреться мне не удавалось. Усталость и холодная вода всё чаще повергали меня в состояние, похожее на беспамятство...

Рассказчик помолчал, чтобы перевести дыхание.

– Представляю, каково вам было... – вставил Самохин, чувствуя, что рассказ подошёл к тому моменту, ради которого был начат.

– Однажды, очнувшись от очередного обморока, – говорил Юрий Миронович, не то испытывающе, не то с вызовом глядя прямо в глаза своему благодарному слушателю, – я внезапно осознал, что уже не плыву, погруженный по горло в ледяную воду, а... иду по её поверхности, словно по асфальту, перешагивая через чудом затвердевшие волны... Иду и молю бога, чтобы эта чудесная твердь как можно дольше снова не обратилась зыбью. Моё тело наконец согрелось, одежда почти высохла... Вскоре я увидел землю. Что ты на это скажешь, Паша?

– То, что вы обладаете могучей волей к жизни, – ответил инспектор, думая об истоках, которые питают необычные способности его невесты. – В экстремальных условиях организм находит дополнительные резервы, чтобы выжить; в вашем случае он избежал гибели путём ускорения временного ритма. Вы больше не ходили по воде, «яко по суху»?

– Пробовал, – смущённо признался Юрий Миронович. – Но не получалось.

– Потому что вашей жизни больше не угрожала смертельная опасность и вы не сумели мобилизовать свои физиологические, психические и прочие ресурсы...

Рядом с рыбаками внезапно возникла Нина Юрьевна; её пышные каштановые волосы ещё не отпустил вихрь, который её сюда телепортировал... Но ней было ситцевое платье – красные произвольной формы пятна на белом фоне.

– Рыбаки, живо сматывайте свои удочки, – распорядилась она, глядя на мужчин поочерёдно. – Мы с мамой ждём вас к ужину. Или вы ещё не успели проголодаться?

– Если ужин будет такой же замечательный, как обед, мы не против, – отозвался Юрий Миронович.

Самохина осенила безумная идея.

– Нина Юрьевна, вы можете прогуляться по озеру, не замочив ног? – спросил он девушку, многозначительно подмигнув её папаше.

– Конечно, – подумав мгновение, ответила владычица времени и прыгнула в воду.

На воде тотчас возник оранжевый полупрозрачный смерч, который, словно язык пламени, светился собственным светом; он стремительно понёсся по озеру, оставляя на зеркальной поверхности водоёма след, похожий на лунную дорожку. Достигнув противоположного берега и словно оттолкнувшись от него, миниатюрный смерч повернул обратно...

Спустя не более минуты девушка снова материализовалась рядом с мужчинами; дышала она не чаще, чем спящий ребёнок.

– Это называется «лунной дорожкой»; я исполнила её, танцуя вальс с воображаемым партнёром, – объяснила она, смущённо улыбаясь.

Глава пятнадцатая

Самохин ночевал на сеновале; его сон сопровождал меланхолический аккомпанемент неустанной работы челюстей жвачных животных, которые согласились принять его в свою компанию.

Прежде чем заснуть, он некоторое время лежал с открытыми глазами, глядя на одинокую звёздочку, проникшую в щель между плохо подогнанными досками.

Запахи сена и хлева разбудили в нём детские воспоминания, с ними пришли непрошенные мысли, которые наполнили его ощущением стыда и раскаяния: эти две недели ему следовало бы провести в деревне у матери, давно потерявшей надежду увидеть его в своём доме, и посетить могилу отца, утонувшего в горной реке во время лесосплава.

Во сне он увидел родное село и мать в пору её цветущей молодости. В руках у него была солидная снизка с хариусами; мать, по обыкновению, отчитывала его, девятилетнего пацана, за то, что он вымочил штаны, бродя по перекатам реки в поисках лучшего места для рыбалки.

Самохин был искренне рад каждому приезду матери, однако он не помнил случая, чтобы увиделся с ней по собственному почину. Она упрекала его за чёрствое сердце, он понимал её досаду, сочувствовал ей по-человечески, но ничего не мог с собой поделать...

Между тем, он не был ни чёрствым, ни мстительным и даже злопамятным, хотя причины для того, другого и третьего у него имелись...

Смерть мужа, по-видимому, помutilи разум Анны Михайловны – таково имя и отчество матери Павла Игоревича. Иначе чем объяснить её дальнейшее поведение? На другой день после похорон она молча собрала кое-какие вещички и ушла из дому, оставив малолетнего сына с матерью покойного, вместо того, чтобы разделить с ними своё горе.

Семь лет не было от неё ни слуху ни духу. Пока она обреталась невесть где, сельчане всем миром похоронили её свекровь, а осиротевшего ребёнка определили в детский дом города Новоельска.

Анна Михайловна поняла при первом же посещении приюта, что потеряла сына; от её предложения вернуться в село он наотрез отказался, мотивируя это тем, что будет лучше для учёбы, если он останется в детдоме до окончания школы.

Благодаря аттестату с отличием и незаурядным математическим способностям, он был зачислен в одно из лучших заведений Новоельска без экзаменов. Спустя год он перевёлся с физико-математического факультета на философский, который, как уже известно читателю, находился в университете столицы.

Словом, чем больше Анна Михайловна старалась сблизиться с сыном, тем дальше он от неё уходил. Кровные узы, по-видимому, со временем ослабевают, если те, кто ими связан, постоянно не поддерживают их доказательствами любви, заботы и самопожертвования.

Накануне вечером Нина Юрьевна сказала Самохину, многообещающе улыбаясь:

– Завтра последний день августа, и мы с вами пойдём в горы, чтобы проводить лето.

– Я уже проводил нынешнее лето, – сообщил Павел Игоревич. – Одиннадцать лет назад.

– Плохо проводили, стало быть, если оно снова к вам вернулось...

– Как мог. А почему именно в горы?

– Потому что уход этого времени года в горах заметнее и... немного грустнее, чем где бы то ни было.

– Павел Игоревич, – услышал инспектор голос Нины Юрьевны сквозь самый сладкий сон, какой бывает только утром, – просыпайтесь, а то лета не застанете.

– Попросите его подождать самую малость. Пусть посидит на скамеечке перед дальней дорогой, как полагается по русскому обычаю, –

отозвался Самохин с сеновала. – А я тем временем выскребу граблями сено из своей шевелюры.

В ответ прозвенел серебряным колокольчиком беззаботный смех молодой хозяйки.

Самохин сполз с копны и вышел из хлева.

Лето ослепило его своей безоблачной улыбкой. А может быть, то была улыбка Нины Юрьевны?

Девушка поприветствовала гостя с добрым утром, затем вылила ведро прохладной воды на его обнажённый торс и подала полотенце.

После завтрака инспектор забрался в свой старенький «запорожец» и, судя по всему, не только для того, чтобы выкурить сигарету.

– Нина Юрьевна, место в машине найдётся и для вас, – окликнул он девушку, направляющуюся к калитке и явно потерявшую его из виду; у неё в руках была посуда, искусно изготовленная из ошкуренных ивовых прутьев.

Девушка обернулась и, увидев его в кабине машины, укоризненно покачала головой.

– Никаких автомобилей!.. Вы что, очень торопитесь избавиться от лета? – с наигранной серьёзностью осведомилась она, останавливаясь. – Лето провозжат на своих двоих, притом как можно медленнее, чтобы продлить удовольствие, даруемое его обществом.

Самохин молча покинул уютную кабину «запорожца»; по-видимому, женская логика лишила его дара речи.

Если бы одна из сорок, во множестве гнездящихся на деревенских берёзах, вздумала посетить горы, она непременно воспользовалась бы маршрутом, который выбрала Нина Юрьевна.

Иначе говоря, молодые люди, идя в горы, избрали максимально прямую дорогу, которую в народе именуют «сорочьей». Немудрено, что этот путь вёл их чаще всего по бездорожью; в лучшем случае они двигались по тропам, выбитым копытами домашних животных.

Прежде чем подняться на Прилавок – так Нина Юрьевна назвала невысокое плоскогорье, примыкавшее к цели их путешествия, – они перевели дух на берегу реки, именуемой Гулей, сидя на обкатанном валуне, доставленном сюда с верховьев весенним ледоходом.

На Прилавке ожидала земледельца созревшая пшеница. Оберегая злаки, наши туристы прошли по берегу ручья, протекавшего поперёк поля.

Горы, о которых идёт речь, напоминали своими очертаниями какую-то доисторическую рептилию, греющуюся на солнце.

На полпути к вершине отрога, представлявшего собой хвост и часть спины чудовища, находилась группа скал, похожих на готические шпили Кёльнского собора.

Продравшись сквозь заросли таволги и дрока, Нина Юрьевна и Самохин поднялись на сравнительно ровную площадку из розовой щебёнки –

остатки второго нерукотворного храма, по-видимому, некогда стоявшего рядом с первым. В конце площадки, справа, росла рощица молодых берёз; их корни омывал родник, давший начало упомянутому потоку.

– По-моему, тут самое подходящее место, где мы могли бы попрощаться с уходящим летом, – предложил инспектор, мечтая об отдыхе и садясь на нежно-зелёную траву, обрамлявшую миниатюрный водоёмчик. – Во всяком случае достаточно грустное для этого невесёлого ритуала... Что вы скажете, Нина Юрьевна?

Девушка понимающе улыбнулась.

– Я с вами согласна, Павел Игоревич, – поддержала она своего спутника; не в пример последнему ни в её движениях, ни в голосе не чувствовалось усталости. – Но только не говорите так громко, а то лето услышит; оно не должно знать, что мы его провожаем. – С этими словами она подошла к ближайшей начинающей желтеть берёзе и на ветках, до которых могла дотянуться, завязала несколько полосок зелёной материи. – Пусть зелёные ленты напомнят лету о его майской юности.

Последняя фраза прозвучала как языческое заклинание.

– Пусть! – сказал Самохин тоном, каким клирики произносят слово «аминь». – Да поможет ему Перун.

Нина Юрьевна захлопала в ладоши.

– Молодец, Павел Игоревич, – похвалила она, смеясь. – Молодец, что умеете поддержать игру, равно как и серьёзное начинание... Вы, наверное, помираете с голоду?.. – спохватилась она, перехватив его взгляд, брошенный им на Солнце. – Потерпите немного, сейчас будем обедать. – Она сделала короткое движение рукой, в которой внезапно возник чайник, покрытый белой эмалью; наполнив водой из родника, поставила его на воображаемую конфорку и воткнула вилку в невидимую розетку. Чайник тотчас закипел. С другой конфорки сняла сковородку с шипящими котлетами. – У того, кому подвластно время, всегда под рукой как минимум пара координат пространства, – объяснила она. – Первая – где ты находишься, и вторая – где ты желаешь быть: они – как поверхности двух шестерён, которые с помощью зубьев входят одна в другую... – Руки её, между тем, извлекали из ниоткуда то помидоры, то огурцы, то хлеб, то соль – всё это и многое другое она клала или ставила на белоснежную скатерть, появившуюся на траве у водоёма столь же непостижимым образом.

Инспектор ни минуты не сомневался, что все эти вещи девушка взяла из дому, и не задавал глупых вопросов. Во всяком случае он думал, что не задавал глупых вопросов.

– Нина Юрьевна, вы настоящая сказочная волшебница, – лепетал он, поглощая пищу с аппетитом, о котором не подозревал за минуту до трапезы. – Как вам удалось приготовить обед за считанные секунды?

Волшебница очаровательно улыбнулась.

– К этим секундам я прибавила ещё час-другой, заняв их у прошлого, – промолвила она, наливая чай в азиатские пиалы.

– Интересно, что же я нёс в корзинке, если не съестные припасы для пикника?

Девушка снова улыбнулась.

– Посмотрите, – сказала она. – Только не пугайтесь, ради бога, – и сдёрнула салфетку с корзины.

Самохин оторопел, увидев пресмыкающее толщиной с хорошую оглоблю.

Питоша, как именovala его Нина Юрьевна, безмятежно спал, положив голову на кольца собственного тела.

Глава шестнадцатая

Нина Юрьевна мыла в ручье посуду, предметы которой тотчас исчезали, едва она выпускала их из рук.

Самохин курил сигарету и откровенно любовался её ловкими и изящными движениями.

– Я тут обнаружил пещеру, – сообщил он смущённо. – Она могла бы сойти нам за... – он не закончил мысль, вдруг показавшуюся ему дерзкой до неприличия.

Девушка отозвалась не сразу. Однако, судя по выражению её безмятежного лица, было не похоже, что она о чём-то размышляет; должно быть, всё, что касалось её взаимоотношений с женихом, она решила заранее.

– Что ж, египетская ночь, по-видимому, неизбежна, – наконец промолвила она, покончив с кухонной утварью и задумчиво глядя в глаза мужчины, который домогается её руки и сердца.

– Вы имеете в виду Клеопатру и её любовников?

– Я имею в виду нас с вами, Павел Игоревич, – поправила девушка, затем продекламировала фрагмент известного стихотворения Александра Сергеевича Пушкина:

...Клянусь – до утренней зари
Моих властителей желанья
Я сладострастно утомлю
И всеми тайнами лобзанья
И дивной негой утолю.

– Потом отрубите мне голову... как эта своенравная красавица своим восторженным и, несмотря на то, что их ожидает, счастливым поклонникам? – осведомился инспектор.

Девушка снова посмотрела на Самохина; на этот раз к её задумчивости добавилось ещё что-то.

– Вас ожидает испытание иного рода. И не «потом», а до «того», – подчеркнула она и, раскинув руки, словно крылья, внезапно устремилась в небо. – Что же вы мешкаете, Павел Игоревич? – насмешливо подзадорила она. – Догоняйте свою голубку, а то улетит к другому...

Тотчас какая-то неведомая сила сорвала инспектора с места и понесла следом за Ниной Юрьевной; потеряв опору под ногами, он раз-другой перевернулся в воздухе.

– Вы летаете во сне, Павел Игоревич?

– Всё реже.

– Представьте, что вы спите...

– Ни в коем случае. Ощущение полёта наяву несравненно острее...

Девушка снова усмехнулась, зависая на одном месте.

– Уже адаптировались? Выходит, вы рождены соколом, если так запросто порхаете по поднебесью...

– С кем поведёшься, от того и наберёшься, – ответил инспектор поговоркой, сделав вид, что не понял издёвки, которая явно присутствовала в последней фразе Нины Юрьевны. – Интересно, как вы объясните нашу прогулку над скалами без современных летательных аппаратов и колдовской атрибутики?

– То есть без самолётов, без ступ и мётел? – уточнила девушка. – Очень просто. Наша планета, вращаясь вокруг собственной оси и двигаясь по орбите, оставляет в пространстве множество энергетических следов во всех уровнях; я их нахожу с помощью обострённого чувства времени, затем использую при полёте, как это делают птицы по отношению к воздушным течениям.

– Похоже на правду.

После того, как они сделали несколько кругов над скалами, она предложила ему опуститься на один из выступов «кельнского собора».

Он легкомысленно согласился.

– Вы могли бы прыгнуть отсюда «ласточкой», представив, что находитесь на трамплине бассейна?

– Мог бы. С вашей помощью, конечно. Иначе – от меня останется мокрое место.

Он глянул вниз, оценивая расстояние. Метров сорок, не меньше, подумал он беспечно. Затем отважно оттолкнулся от скалы, выбросив вперёд руки.

Спустя несколько секунд он с ужасом осознал, что... падает, словно камень, повинувшись банальным физическим законам.

Вот она, моя плата, за предстоящую ночь с Клеопатрой, снова подумал он, отнюдь не будучи уверен, что доживёт до этой ночи, и очутился... в облюбованной пещере... рядом со своей невестой.

Глава семнадцатая

Часа за два, за три до заката солнца молодые люди отправились в обратную дорогу.

Питон так и не проснулся; Нина Юрьевна «хронопортировала» лежебоку, как она выразилась, домой вместе с корзинкой, сжалившись над своим спутником.

Ступив на полосу созревшей пшеницы, Самохин оглянулся на скалы, у подножия которых он столь необычно провёл последний день лета, и... не увидел их!..

Впрочем, не увидел он и многого из того, что окружало каменных великанов. Перед его взором возникла совершенно новая картина. Отрог, представлявший собой хвост и часть спины динозавра, был сплошь покрыт далеко не первым снегом. По косогору, слегка согнув ноги в коленях, стремительно спускалась лыжница в голубом костюме; её чёрные длинные волосы развевались от ветра, который она разбудила своим движением.

Инспектор тронул за плечо свою спутницу, чтобы привлечь её внимание к тому, что он сам видел.

– Я и не знал, что миражи возможны в наших широтах, – высказал он не очень оригинальную мысль.

Девушка покачала головой; судя по её реакции, она не разделяла эмоций, владевших её спутником.

– Это не мираж, – возразила она, останавливаясь. – Мираж – это фантомное изображение предметов, находящихся где угодно, но только не там, где они наблюдаются. Это же явление привязано к местности, на которой мы его видим; снег лежит на земле, а не парит в воздухе; лыжница при спуске повторяет кривизну склона, знакомого нам по опыту.

– Тогда что это?

– Одну из физических констант, которая измеряется хронометром...

– Речь идёт о времени?

– ...мы иногда вполне справедливо называем рекой времени, – продолжала девушка. – Следуя этой аналогии, наблюдаемый нами эффект специалисты именуют полынью или блуждающей проталиной во временном потоке.

– Заглянув в которую, мы увидели прошлую или будущую зиму? – догадался инспектор.

– Только будущую, – отрезала Нина Юрьевна. – Притом весьма отдалённую во времени.

– Почему вы так решили?

– Посмотрите внимательно на косогор и вы всё поймёте.

– Вы имеете в виду исчезнувшие скалы?

– Разве этого мало? – Девушка помолчала. – Ничего не щадит Вечность, – грустно сказала она, наблюдая за лыжницей. – Даже камни. В том времени, которое приоткрылось нам в полынью, нашего «кельнского собора» уже не существует.

– Сколько же тысячелетий понадобилось Вечности для того, чтобы он разрушился до основания?! – промолвил Самохин, поддавшись минорному настроению своей прекрасной и умной спутницы.

Голубая лыжница между тем приближалась...

Нина Юрьевна и Самохин уже различали её юное пунцовое от морозца лицо, изогнутые чёрные брови и тёмные глаза с выражением живого интереса (они её видели, стало быть, она их – тоже). Им показалось, что спортсменка мчится прямо на них; возможно, так оно и было на самом деле, но она, не доезжая нескольких метров до наших туристов, готовых в любой момент уступить ей дорогу, сделала крутой вираж влево и вдруг исчезла... вместе с видением мира, её породившего, оставив им на память... целый сугроб снега, выброшенного на траву рискованным поворотом...

Глава восемнадцатая

По осадкам, разложив их на составляющие, опытный эксперт может многое узнать о том мире, где они выпали, – уровень технологии, болезни носителей разума и их меньших братьев; по капельке росы, взятой с листа папоротника, он способен сделать исчерпывающие выводы о состоянии планеты во всех её сферах, о том, какие катаклизмы происходят в недрах её спутника и самого светила.

Между тем в распоряжении Самохина была отнюдь не росинка. Снег, попавший к нему в руки из далёкого будущего, наверняка содержит секрет изготовления панацеи, способной излечить нашу безнадежно большую экологию. Но у него не было с собой посуды, чтобы найденное сокровище доставить в ближайшую лабораторию...

Он повернулся к Нине Юрьевне, чтобы поделиться с нею своими заботами; она мяла в руках комков бесценного снега, однако, судя по её рассеянному виду, никакого интереса к нему не испытывала.

– Т-с-с-с, – остановила она его, едва он раскрыл рот. – Кто-то стонет, – прошептала она. – Слышите?

Инспектор затаил дыхание.

И тотчас услышал нечто, похожее на приглушённое рыдание. Однако определить, с какой стороны доносятся эти неопределённые звуки, он затруднялся.

Может, зрительные галлюцинации обратились в звуковые, подумал он, всё ещё прислушиваясь.

– Павел Игоревич, – позвала девушка с полосы пшеницы. – Тут кто-то есть...

Самохин поспешил на зов; у него в голове роились мысли – одна невероятнее другой.

Он раздвинул стебли пшеницы.

Это был всего лишь заяц, молодой заяц, почти зайчонок – серый пушистый комочек, запутавшийся в нитях старого капронового чулка, бог весть как сюда попавшего; от страха и голода зверёк безутешно рыдал, словно капризный ребёнок, которого несправедливо побили. Зайчишка до того был слаб, что не смог воспользоваться ногами, когда их Самохин распутал.

Нина Юрьевна наотрез отказалась оставить зайчика, пострадавшего от цивилизации, в поле.

– Возьмём его с собой, – решительно заявила она. – Я займусь его воспитанием.

– Пожалуйста, – нахмурился инспектор. – А что, ваш удавчик невоспитанными брезгует?

– Вы имеете в виду моего Питошу?

– Его самого, Нина Юрьевна.

– При чём тут он?

– Я полагаю, что кролик – его любимое лакомство.

– Это заяц.

– Выходит, вашему питомцу небезразлично, кого глотать – зайца или кролика? Подумаешь, какой гурман!

– Он живых тварей не глотает.

– Тогда я за нашего меньшого братца спокоен, – утешился Самохин, затем посадил зайчонка себе на левую руку, согнутую в виде полочки и прибавил шагу, посмотрев на Солнце. Он немного помолчал. – Представляете, Нина Юрьевна... Когда я услышал стоны, то почему-то подумал о лыжнице из будущего... Я вообразил, что она сломала ногу на том крутом повороте, вылетела в нашу реальность, а теперь страдает от боли... Глупо, правда?

– Ничего не глупо, – возразила девушка. – Была и у меня такая мыслишка, – призналась она, мельком взглянув на своего спутника. – Хорошо, что наши мрачные предположения не оправдались.

– Почему?

– Она оказалась бы в чуждых ей условиях, среди людей, которые при при всём их сочувствии, никогда не заменили бы её родных и близких.

– Вы правы, – согласился инспектор. – В нашем мире было бы ещё одним несчастным человеком больше. Он снова помолчал, глядя себе под ноги. – Явление, которое мы с вами только что наблюдали и которое вы назвали поэтическим словом «попынь», скорее всего... что-то вроде болячки... на теле времени, заражённого бактериями нашей нездоровой экологии...

Несмотря на дорожное происшествие, они добрались до дому засветло.

Первым делом следовало устроить косого найдёныша; пока Нина Юрьевна соображала ему угощение из морковки и листьев капусты, Самохин смастерил ему соломенное гнёздышко между баней и курятником. Когда всё было готово, Дамка обнюхала зайчонка, удовлетворённо вздохнула, затем бесцеремонно улеглась рядом с ним, предлагая ему свою собачью верность и опеку.

Глава девятнадцатая

Первое сентября было таким же тёплым и ясным, как и последний день лета.

Значит, никто не проговорился, что наступила осень. Лето продолжает приходить в мир, хотя время его миновало. Пусть приходит. Сибиряки возражать не станут, если оно лишний раз им улыбнётся.

На этот раз Самохин покинул сеник с первыми проблесками рассвета.

Прежде чем уединиться в кабине своего «запорожца», чтобы заняться записями событий, достойных летописи, – этому занятию он намерен был посвятить сегодняшнее утро, – он вышел за калитку с не очень горячим желанием пробежаться по сельской улице вместо зарядки; постоял минуту-другую, прислушиваясь к ленивой собачьей переключке и энергичному петушиному пению.

Мне необходимо как следует разогреть своё тело, подумал он, затем бросить его в холодные воды Гули, с которой накануне я свёл знакомство на пути в горы. Иначе – не проснусь до следующей ночи, а сонливость, как известно, далеко не лучший помощник в какой бы то ни было работе.

Бежал он легко и споро, не чувствуя под собой босых ног, словно у него за плечами выросли крылья.

Меж тем рассвело.

Вскоре показалась река с ласковым названием Гуля. Вон тот валун, на котором он с Ниной Юрьевной отдыхал, прежде чем взойти на гору...

К тому времени тело его нагрелось до белого каления, однако он не торопился принимать ванну.

Марафон не будет завершён, сказал он себе, пока не напьюсь из родника, находящегося у «кельнского собора».

Инспектор порядком устал, пока добирался до площадки с розовой шебёнкой.

Он сел на обломок скалы, чтобы немного отдышаться, заодно разобраться в ощущениях, которые у него возникли, когда он совершал свой кросс по Прилавку. Он рассеянно глянул вниз и понял, в чём дело, увидев свежую зелень отавы и копны сена на месте полосы... созревшей пшеницы.

Произошли существенные перемены и на самой площадке. Прежде всего, досуха испарился родник; вдоль и поперёк его ложа лежали стволы умерших деревьев – это всё, что осталось от берёзовой рощи, которая несколько часов назад была полной сил и молодости. От шелковистой зелёной лужайки и следа не осталось.

Ему стало не по себе. Им овладело сложное чувство заброшенности, тревоги и робости. Он поднялся с куска гранита и бросился прочь. Он не мог оставаться в мире, который за одну-единственную ночь столь неузнаваемо изменился.

Обратная дорога была значительно легче. Когда спустился с Прилавка, он уже не ощущал себя металлической болванкой, которую только что вытащили из горна. Однако мысль о купании в реке по-прежнему ему представлялась заманчивой.

Деревня встретила его кудахтаньем кур, лаем собак, мычанием телят и криками ребяташек. Он немного успокоился. Недавние страхи ему показались смешными. Но тревоги остались.

Что-то не так было и во дворе, где он прожил несколько счастливых дней. Он решил, что ошибся калиткой, но, увидев свой старенький «запорожец», обозвал себя дубиной. Он не обратил внимания на то, что над его машиной было сооружено нечто вроде навеса, равно как и на мотоцикл, которого раньше тут не было.

На лай пятнистого щенка из летней кухни, что была продолжением бани, вышла молодая рыжеволосая женщина; прежде чем открыть рот, она брезгливо окинула взглядом инспектора с его босых ног до головы с мокрой шевелюрой.

– Юрка, – позвала она сварливо, – тут алкаш какой-то...

– Это вы меня алкашом именуете, сударыня? – уточнил Самохин, хотя и так было ясно.

Женщина снисходительно усмехнулась.

– А то кого ж? Нормальный не станет купаться в эту пору, – резонно заметила она, поджав губы.

На крыльце появился Юрий Миронович, на ходу засовывая в брюки красную рубаху. Он мельком взглянул на инспектора и сел на верхнюю ступеньку, явно его не узнавая.

– Здоровы будем, – буркнул он небрежно, закуривая сигарету, которая торчала у него в зубах с самого начала, и щурясь от солнца. – Ты из подрядников, что ли?..

Самохин сделал вид, что последние слова не расслышал. Он решил, что его разыгрывают.

– Нина Юрьевна, небось, ещё нежится в постели? – предположил он, будучи уверенным в том, что последует утвердительный ответ.

Хозяин снова взглянул на пришельца в спортивном костюме, на этот раз более внимательно, чем в начале.

– Она больше не живёт в моём доме, – сказал он дрогнувшим голосом. – Ушла сразу же после смерти Григорьевны. В Покров пять лет будет, как нет от неё ни слуху ни духу... Постой, приятель, – спохватился он, хмурясь с досады, что разоткровенничался с незнакомым человеком. – Кто ты такой, что лезешь мне в душу?

Инспектор промолчал, обдумывая мысль, внезапно завладевшую его сознанием; он, похоже, начал понимать происхождение сегодняшних превращений, которые, озадачивая и пугая, то и дело сбивали его с толку.

Из состояния, похожего на ступор, его вывел человек, который трижды стукнул калиткой, чтобы привлечь его внимание. Аристарх Иннокентьевич – это был он собственной персоной – отчаянно жестикулировал и гримасничал. Самохин с трудом сообразил, что триарх пытается выманить его на улицу.

Инспектор подошёл к калитке.

– Немедленно идём отсюда, Павел Игоревич, – сказал Аристарх Иннокентьевич тихо, но решительно.

– Не могу, – заупрямился Самохин. – Мне нужно переодеться и забрать машину.

– Прежде чем завладеть своим имуществом, вам придётся напомнить Юрию Мироновичу, кто вы такой...

– Я только что собирался это сделать.

– Стало быть, я вовремя вас нашёл, – облегчённо вздохнул триарх. – Вам не поздоровится, когда он узнает, что имеет дело с соблазнителем своей дочери. Во всяком случае он так думает. Плюс к этому его цыганский темперамент.

Инспектор помолчал, о чём-то думая.

– Как же я доберусь до дому в таком затрапезном виде? – посетовал он.

Но Аристарх Иннокентьевич был неумолим. Он приводил довод за доводом – один убедительнее другого.

– На вас вполне приличный трикотажный костюм, – твёрдо сказал он, окинув одобрителем взглядом своего собеседника. – За то, что вы бос, вас примут за последователя школы Порфирия Иванова, в худшем случае – за оригинала, с которого спрос невелик... Что же касается автомобиля... поверьте мне на слово: после стольких лет заброшенности он стоит не дороже выеденной... консервной банки.

Глава двадцатая

В гостях хорошо, а дома всё же куда лучше, подумал Самохин, оказавшись в прихожей собственной квартиры.

– Входите, Аристарх Иннокентьевич, – сказал он триарху, сиротливо стоявшему у порога. – Пока я готовлю холостяцкую трапезу, вы можете, если хотите, принять душ или даже ванну.

– Спасибо, Павел Игоревич, – отозвался гость. – Пожалуй, я так и сделаю, как вы советуете. Что же касается трапезы, то меня вполне устроят бутерброды и чай.

– Эти-то незамысловатые блюда я и называю холостяцкой трапезой.

Компоненты бутербродов – хлеб, колбаса и сыр – инспектор хранил в морозильнике; они становились съедобными после того, как побывают на раскалённой сковородке с небольшим количеством сливочного масла. К тому времени, когда хлеб, колбаса и сыр доходили до кондиции, вода, предназначенная для чая, обычно закипала.

Ели молча, хотя Самохину стоило немалых усилий, чтобы воздержаться от вопросов, которые его занимали. Он полагал, что беседа за чаем годится только для светской болтовни о погоде.

Наконец, бутерброды съедены, чай выпит.

Убрав со стола, инспектор сел на диван, закурил сигарету, затем повернулся к триарху, устроившемуся в кресле напротив.

– Что с Ниной Юрьевной? – тихо спросил он и затаил дыхание в ожидании ответа.

– Она утратила способность безаппаратных путешествий во времени, – невозмутимо сообщил триарх.

Следующий вопрос был задан после значительной паузы.

– Случилось это несчастье в то утро, когда я вторично прогулялся в горы?

– Да.

– Выходит, за те считанные минуты, пока я делал разминку, пытаюсь проснуться, Нина Юрьевна прожила одиннадцать лет?

– Одиннадцать лет, полных лишений и утрат.

– Вы имеете в виду кончину её матери?

– Не только. Вы тоже много для неё значите... стало быть, она и вас потеряла.

– Напротив, нашла. Прожив эти одиннадцать лет, она тем самым преодолела временной барьер, который разделял её и мою реальности. Теперь мы будем вместе, несмотря на то, что она перестала повелевать временем.

– Триархи постоянно помнят о принципе, смысл которого выражается в следующей формуле: прошлое не может догнать настоящее, равно как настоящее – будущее.

– Это нас с Ниной Юрьевной не касается. Мы с нею пришли в мою реальность, хотя и двигались с разными скоростями.

Триарх медленно покачал головой; в его глазах отразилось смешанное чувство протеста и сострадания.

– Вы заблуждаетесь, Павел Игоревич, – мягко возразил он. – В вашей реальности нет ни Юрия Мироновича, ни Нины Юрьевны, ни её мачехи. В своё время вы попали с моей помощью.

– Как так?

– Время и свет обладают сходной природой. Источник времени находится не в прошлом, как полагали раньше, а в ипостаси, именуемой настоящим; его лучи распространяются с одинаковой скоростью как в прошлое, так и в будущее...

– Стало быть, если я правильно вас понял, Нину Юрьевну нужно искать в будущем... так сказать... со знаком минус?

– Вы недалеко от истины.

– Иначе говоря, она навсегда для меня потеряна! Зачем вы вытащили меня из её реальности?

– За тем... что вы нужны своим современникам, – объяснил триарх. Он немного помолчал. – Успокойтесь, Павел Игоревич. В затруднительном положении человеку следует обращаться за помощью к разуму, а не эмоциям, которые имеют склонность порождать так называемый «крик души» без каких бы то ни было оснований, – продолжал он своим ровным голосом с некоторым налётом назидательности. – Я не случайно сравнил

время с электромагнитным излучением в оптическом диапазоне; оно, как и постоянная Планка, обладает двойкой природой – волновой и корпускулярной. Человек, живущий на задворках времени, иногда приближается к абсолютному настоящему, двигаясь весьма сложными путями, напоминающими галсы парусника... Кроме того, Нина Юрьевна... больна отнюдь не безнадежно...

– Вы хотите сказать?! – Самохин воспрянул духом.

– Да, у неё имеются шансы снова обрести утраченные способности.

– Спасибо за надежду, Аристарх Иннокентьевич.

Глава двадцать первая

Триарх повернулся к стеллажу, взял какую-то книгу и углубился в чтение.

Самохин закурил новую сигарету, помолчал, пытаясь, по-видимому, привести в порядок мысли, взбудораженные противоречивыми новостями, которые он только что услышал от своего загадочного гостя.

– Простите, Аристарх Иннокентьевич... – обратился он к триарху, несколько успокаиваясь. – Что вы имели в виду, напоминая мне о моём долге перед современниками?

Пришелец из времени поднял глаза на инспектора, положив раскрытую книгу на колени.

– Я ничего не говорил о долге, – сказал он, по обыкновению глядя на собеседника. – Вместо долга у хомо сапиенсов существуют некие импульсы, подобные инстинктам, которыми обладают наши меньшие братья. Мать и отец, воспитывая ребёнка, делают известный вклад, который обеспечивает им существование в будущем... Тот же вклад, отнюдь не бескорыстный, мы вносим и тогда, когда помогаем своим ближним, представителям своего племени... Словом, никто никому ничего не должен. Миф, именуемый долгом, равно как и благодарность, представляют собой всего лишь символы ритуала, обусловленного культурой. Идея долга – одно из многих заблуждений нашего века.

Удручённый практическими заботами, Самохин не был склонен к отвлечённым дискуссиям, но он из деликатности терпеливо ждал, пока гость излагал свою точку зрения на довольно спорную концепцию.

– Вы, наверное, правы, – не очень уверенно согласился он, когда триарх кончил. – Определённо правы, – добавил он, подумав.

– Простите, что заморочил вам голову.

– Так что же хотят от меня мои современники?

– Речь идёт о вашем школьном товарище...

– О Володе?

– Да. Мне показалось, что у него к вам имеется какое-то неотложное дело...

Инспектор тотчас поднялся.

– В таком случае, не мешкая, отправляемся к озеру.

– Если у вас нет других планов... и вы не возражаете...

Самохин возражал. Но по иному поводу.

– Погодите, Аристарх Иннокентьевич, – остановил он триарха, направлявшегося к выходу. – Я не прочь повидать товарища... Но надо подумать, как до него добраться: ни городской, ни междугородний транспорт к нему не ходит. «Запорожец» ржавеет в чужом времени... – Он подошёл к телефонному аппарату. – Позвоню в таксомоторный парк, – объяснил он. – А может быть, лучше в прокат? Пусть пошлют нам автомобиль с электрическим двигателем: я больше не желаю способствовать загрязнению воздуха даже с помощью выхлопных газов. – Прокат? – сказал он в трубку. – Речь идёт об автомашине на электрической тяге. Да-да, на электрической. Вы правильно меня поняли. – Затем он сообщил свои паспортные данные и номер счёта в банке.

Триарх между тем вернулся в гостиную.

– Ну что ж, в машине так в машине, – сказал он с нотками разочарования в голосе.

– Вы хотели предложить что-нибудь другое, Аристарх Иннокентьевич? – осведомился Самохин, к чему-то прислушиваясь.

– Да. Если бы не прокат, я бы прокатил вас на ваших собственных воспоминаниях, – ответил триарх, не замечая за собой невольного каламбура.

– Любопытно...

– Вы могли бы тотчас оказаться на берегу озера, если бы хорошо представили его в своём воображении.

– Оказался бы... с вашей помощью?

– Конечно.

– Я бы охотно помог вам проделать этот фокус, но машина уже стоит за дверью.

Агент по прокату долго и путано объяснял преимущества нового силового аккумулятора над тем, что существовал раньше.

Думая о чём-то своём, инспектор смутно угадывал мысль между малознакомыми терминами.

– В сущности это кусок полиметаллической микропорки, битком набитой электронами... которые... благодаря своей плотности находятся в замороженном состоянии... – говорил агент, размахивая руками. – Гиперэлектростатотрон (ГЭСТ) – так его называют специалисты – возбуждается от обычной полуторавольтовой батарейки, играющей роль стартера.

Подъезжая к городской свалке, Самохин тщетно искал глазами пожарную каланчу, которую его школьный одноклассник приспособил себе под жильё.

– Аристарх Иннокентьевич, – повернулся он к своему пассажиру, – вы не знаете, куда подевалась эта злополучная башня, что до сих пор служила великолепным маяком в океане мусора?

– Провалилась в болото, – бесстрастно сообщил триарх.

– О чём вы? В какое болото?

– В то самое болото, в которое превратилась эта долина... в результате омыления каким-то сильным сольвентом.

Инспектор промолчал; он не хотел задавать глупых вопросов.

Самохин съехал с укатанной дороги и тотчас увидел грузовичок, увязший по самый кузов как раз на том самом месте, где он намеревался проехать на берег, к берёзке, чтобы поставить машину. Рядом с грузовичком на дорожке, выложенной пучками из каких-то толстых сочных прутьев, стоял его владелец; увидев инспектора, он возбуждённо закричал:

– Назад!.. Немедленно... сдай назад!..

Самохин включил задний ход, не рассуждая; заглушив автомобиль на значительном расстоянии от грузовичка, он вышел из кабины.

– Привет, Володя, – поздоровался он с товарищем. – Давай трос – попробуем вытащить твоего малыша...

Тот красноречиво махнул рукой.

– Бесплезно, будь уверен. Грязь вязкая, как смола; она уцепилась за него мёртвой хваткой.

– Я вижу, ты лишился не только машины... – посочувствовал инспектор.

– Не говори. Башню засосало ещё вчера ночью.

– Как же ты сам спасся?

– Вылез через террасу.

– Где теперь жить будешь?

– Это мои проблемы...

– Ты не поделишься с ними со своим другом? Я хочу сказать, что у меня в квартире и для тебя уголок найдётся...

– Спасибо, Паша. Буду иметь в виду, если приспичит... Ты здесь каким ветром?..

– Я не один... – Самохин оглянулся на автомобиль, но в нём триарха уже не было. – Где же Аристарх Иннокентьевич?

Володя недобро усмехнулся.

– Известно – где, у себя в благополучном будущем, – сказал он холодно. – Ему наплевать на наши проблемы.

– Почему ты так думаешь?

– Мир катится к чёртовой матери... а он делает вид, что ничего страшного не происходит... хотя наверняка знает на целую вечность вперёд, чем всё кончится.

– Его легко понять, – заметил инспектор справедливости ради. – В своих поступках он несомненно руководствуется правилами, предписанными его клубом; ничего не трогать, ни на что не влиять во временах, в которых он путешествует... отнюдь не по собственному почину.

– Ты считаешь, что он у нас официально, то есть как бы в командировке?

– Иначе и быть не может. Как чувствует себя Согряное озеро?

– Никак. Его больше нет. Сыграло в ящик. Приказало долго жить. Умерло.

Это было сказано голосом, в котором слышалось рычание затравленного зверя.

Самохин промолчал, чтобы, не дай бог, не изречь какую-нибудь банальность; он поверил на слово своему другу, хотя и представить себе не мог, куда могла подеваться столь громадная масса воды, составляющая Согряное озеро. Он поверил потому, что человеку, который лишился всего, что имел, было не до шуток.

Хотя осень только что началась, но на берёзе уже не было ни единого листа. Вместо псилофитов на берегу появилась какая-то новая растительность – толстые упругие стрелки, похожие на молодые побеги спаржи. Заросли этой неведомой флоры сплошь покрывали и обнажившееся дно озера, которое отныне перестало быть водоёмом.

– Эта чёртова растительность – сущее бедствие, – посетовал бывший инженер-конструктор, пиная носком сапога сочную ядрёную зелень. – Для неё ничего не стоит высушить целое озеро, а сушу превратить в топкое болото; должно быть, она выделяет что-то такое, что разжижает минеральную смесь, составляющую грунты и почвы. Если её не остановить, она поглотит всё, что цивилизация создала на протяжении своего существования... Страшно подумать...

Инспектор вымученно улыбнулся.

– Ну зачем так мрачно, Володя?.. Никуда она не выйдет из этой котловины, – с наигранным энтузиазмом сказал он, пытаясь уверить товарища в том, в чём сам не был уверен.

– Ты не в курсе дела, Паша, – вздохнул тот. – Она уже вышла. Эти зловещие стрелы я обнаружил по ту сторону железнодорожной насыпи...

– По-видимому, когда-то озеро было значительно больше, чем мы привыкли его видеть, и избытки воды оно сбрасывало в Ляяну...

– Представляешь, что натворит эта безобидная на вид трава, если она по реке поднимется в город?!

– Представляю, Володя. Но я далёк от паники. Она наверняка из теплолюбивых; её непременно остановят наши суровые сибирские морозы.

– О каких морозах ты говоришь? Я уж не помню, когда они за нос хватили, и с каждой зимой всё слабее... Сибирь всё больше напоминает теплицу. Похоже, правы учёные, которые связывают растущее потепление на планете с углекислым газом, сбрасываемым в атмосферу промышленными предприятиями... У меня такое ощущение, что зимы на этот раз вообще не будет.

Самохину нечем было возразить. В словах товарища было много правды, и у него не повернулся язык, чтобы её оспорить.

Экологическую катастрофу породили те люди, которые не пожелали в неё поверить, подумал он. Она долго ждала своего часа, теперь неотвратимой поступью рока шествует к ним в дом, чтобы поставить их перед фактом своего существования.

Глава двадцать вторая

Десятого октября Нина Юрьевна должна была выйти на работу, отгуляв отпуск.

В этот знаменательный день Самохин шёл в контору со смешанным чувством, в котором преобладала надежда.

Похоже, инспектор действительно сегодня увидит свою невесту: ещё будучи за дверью, он услышал пулемётную дробь её пишущей машинки; его сердце готово было выскочить из грудной клетки, пытаясь согласовать свои удары с этим бешеным ритмом.

Но каково было его разочарование, когда он, ворвавшись – иначе не скажешь – в приёмную, увидел Альбертину Абрамовну, сидевшую за машинкой и вслух диктовавшую себе текст постановления, которое было принято на заседании, посвящённом судьбе Целлюлозного объединения.

– «Члены комиссии. Двоеточие, – внушала своим резвым рукам Альбертина Абрамовна. – Главный архитектор города Зиновий Андреевич Завьялов, главный геолог города Артур Михайлович Стринберг, старший эксперт Николай Федорович Степин, начальник Службы Окружающей Среды Альбертина Абрамовна Мчиславская, старший инспектор Павел Игоревич Самохин, санитарный врач Анжелика Григорьевна Суслова, лаборант Клара Прокофьевна Ильюшенко. Точка». Павел Игоревич, – повернулась она к Самохину, вставая, – возьмите этот документ и отправляйтесь на целлюлозную фабрику.

Предупредите: если не выполнят решение компетентной комиссии, пусть пеняют на себя. Необходимо срочно эвакуироваться из помещений, обречённых на разрушение стихийными силами. Распишитесь. Остальные подписи соберёте по дороге.

Инспектор взял из рук шефа документ и молча направился к выходу.

– Павел Игоревич, – окликнула его Альбертина Абрамовна, – вы не знаете, почему не вышла на работу Нина Юрьевна?

Самохин отрицательно покачал головой; он слишком был подавлен, чтобы отважиться объяснить то, о чём сам имел смутное представление.

После «загадочного исчезновения генерального директора», как писали газеты, бумажным производством заправлял бывший начальник цеха Георгий Петрович Околесин. Тот самый Жорка Околесин, с которым Самохин и Володя с городской свалки когда-то ходили в одну школу.

Насколько помнит инспектор, Жорка Околесин был малопримечательной личностью, если можно так сказать о школьнике. Он сидел где-то на задней парте в паре с таким же, как он, шалуном. Учился из рук вон плохо, хотя в одном классе больше года не задерживался. Поговаривали,

что его переводили из уважения к старой бабушке, с которой он жил в развалюхе на окраине города. Одному богу известно, как он с его легкомыслием и слабой усидчивостью сумел стать специалистом, способным заменить, при случае, столь высокое начальство.

Встречаясь, они не хлопали друг друга по плечам, не ударялись в воспоминания, подобно многим однокашникам, поскольку в детстве у них не было духовной близости из-за полярных различий их интересов, а валять дурака ни тому, ни другому не хотелось.

Они сталкивались исключительно на деловой почве, это обстоятельство и предопределило стиль их взаимоотношений.

Околесин вышел из-за стола, когда Самохин появился у него в кабинете. Поздоровавшись за руку, хозяин и посетитель сели в кресла, которые стояли по ту и другую сторону журнального столика.

Мужчины некоторое время помолчали, вежливо глядя друг на друга.

Создавая Околесина, природа ни в чём не поскупилась: он был высок ростом, широк в плечах, поджар и жилист, словно гончая. Вполне возможно, что его сделали атлетом физические упражнения, а не особые гены, переданные предками по наследству. Свои светлые волосы с рыжинкой он зачесывал назад. Серый костюм и белая рубашка в голубую полоску ему подходили как нельзя лучше. Он не был красив, но его мужественное лицо, смягчённое синими глазами, привлекало к себе внимание.

Пожалуй, нынешний директор целлюлозного производства производит впечатление толкового и умного человека, подумал инспектор, всем сердцем надеясь, что он не заблуждается.

– Георгий Петрович, – начал он, решив быть до конца откровенным, – наши дела из рук вон плохи...

Околесин нахмурился.

– Меня ваши дела не касаются, – сказал он холодно. – Своих забот полон рот.

– Я имею в виду обе стороны. Вашу – в большей степени. Необходима неотложная помощь...

– Я готов помочь. Кому?

– Себе – в первую очередь.

– Объясните, что происходит?

– Невероятное! Мир накануне...

– ...экологической катастрофы? Я это слышал неоднократно.

– Мир накануне спонтанного непредсказуемого процесса, подобного взрыву, – продолжал инспектор. – Позвольте небольшой экскурс в эволюцию?

– Валяйте.

– Миллионы лет назад, – продолжал Самохин, – в пору наиболее благоприятных условий, существовавших на Земле, Природа создала великое множество видов животных и растений. Эта избыточность – её основной закон – потребовалась ей для того, чтобы выжить в дальнейшем,

когда окружающая среда изменится в худшую сторону. Преследуя ту же цель, она подвергала своих детищ всяческому испытанию, моря их недородами, насылая эпидемии, ледники и потопа. Но человек не понял её деяний, достойных благословения, хотя благодаря им он, собственно, и стал человеком. Не то из-за мелкого чувства мести, не то по легкомыслию, только чтобы досадить матери-природе, люди принялись истреблять своих меньших братьев – сперва с помощью дубинки и каменного топора, затем огнестрельного оружия. Химические яды, которые мы сбрасываем в атмосферу и водоёмы, действуют менее эффективно, зато в масштабах, какие не снились нашим предкам... Короче говоря, Природа проиграла в борьбе с человеком, – кончил в нескольких словах инспектор, сжалившись над слушателем, который из вежливости не прерывал его, хотя испытывал смертные муки, изощряясь в подавлении зевоты. – Она отступила... на первоначальную позицию... чтобы начать всё с начала...

– То есть вернулась в далёкое прошлое, где она создала виды животных и растений? – уточнил Околесин.

– Да. Залечив раны, она создаст новый мир. Новый и несомненно лучший во всех отношениях. Мир, в котором наверняка не будет места для... человека. Уж она постарается...

Исчерпав все доводы или почти все, Самохин умолк, горячо надеясь, что выстрелил не вхолостую.

– Откуда вы взяли, Павел Игоревич, что Природа отошла на те рубежи, откуда началась эволюция? – осведомился Околесин.

– Ну, может быть, не началась, а была в разгаре... – отмахнулся инспектор от замечания, не имеющего существенного значения. – Посмотрите на бывшее Согряное озеро: со дна его поднимается молодая поросль каламитов – древесных хвощей, типичных представителей каменноугольного периода.

– Я вижу, вы не на шутку напуганы?..

– Вы правы. Ситуация того стоит.

– У страха глаза велики, – усмехнулся Околесин, вставая. – Потому вам заросли обыкновенного хвоща кажутся... этими... как их?.. э-э-э...

– Каламитами, – подсказал Самохин.

– Спасибо за поучительную беседу. Благодаря вашей теории, с которой вы только что меня познакомили, я окончательно убедился в том, что у вас... незаурядное воображение...

– Только и всего? Жаль потраченное время... А что вы скажете об этом документе? – Инспектор подал Околесину папку с постановлением комиссии.

– Скажу, не читая, что это коллективное творчество таких же фантазёров, как вы, Павел Игоревич.

Глава двадцать третья

Да, я фантазёр, думал Самохин, ни с чем возвращаясь в контору. Фантазёр, и горжусь этим. Между прочим, погубят мир не фантазёры, а прагматики, которые, которые строят своё благополучие на боли и конвульсиях Природы. Фантазёры – бессеребренники; это они, а не прагматики, мечтают о том светлом времени, когда братские взаимоотношения будут нормой сосуществования всех представителей симбиоза, составляющих земную экологию. И, конечно, человека – тоже.

Мир катится к чёртовой матери. И поделом ему, если он породил такого тупицу, как Околесин. Только жаль людей, достойных лучшей участи. А кто меня пожалеет? Нет, так дело не пойдёт... Мир должен быть спасён во что бы то ни стало... хотя бы во имя Нины Юрьевны, которая в нём живёт и трудится...

На полпути к городу у моста через Лиану инспектор обратил внимание на большое скопление людей и техники. Он было намеревался проехать мимо, но какая-то мысль или интуитивная догадка, мелькнувшая у него в мозгу, заставила его остановиться и выйти из машины.

– Что случилось? – спросил он у мужчины в замасленном ватнике, сидящем на подножке самосвала и курящего сигарету.

– Должно быть, с мостом что-то... – сказал тот, махнув рукой в сторону реки.

Самохин бросился к берегу, предчувствуя недоброе; люди охотно уступали ему дорогу; они ждали какое-то начальство и, увидев его, по-видимому, решили, что оно прибыло.

Ближайший пролёт моста рухнул в воду, сорвавшись с берегового устоя, который ушёл в грунт почти наполовину; вокруг него из жирной грязи щетинились зловещие стрелки, похожие на побеги спаржи.

Предчувствие не обмануло инспектора.

Зелёная чума наступает, снова подумал он. Безобидная и малозаметная с виду, она непременно достигнет своей цели. Город обречён. Первыми падут сооружения водозабора, затем подвергнется нападению речная пристань. Там рукой подать до жилых кварталов, находящихся на Набережной...

Повинуясь импульсу какой-то мысли, Самохин медленно двинулся по берегу; он внимательно смотрел по сторонам и себе под ноги; его намётанный взгляд то там, то тут обнаруживал щетину зловещего растения. Наконец цепочка прервалась...

Вот он – авангард зелёной орды, против которой мечи, миномёты и атомные бомбы бессильны.

Эта колония наверняка не единственная. Согряное озеро подобно злокачественной опухоли: не исключено, что оно могло дать и множество других метастазов.

Погода была пасмурная, но тёплая не по времени года. Впрочем, к вечеру похолодало. Ночью выпал снег. Утром подморозило.

Надежды Самохина, похоже, оправдались: реликтовая растительность остановилась – прекратила своё наступление на город, о чём он засвидетельствовал сам на основании ежедневных осмотров берега.

Служба Окружающей Среды получила временную передышку. Пока на дворе хозяйничают морозы, каламиты носа из грунта не высунут.

Так думали защитники Природы. По крайней мере, некоторые из них.

Кто-то вспомнил о неиспользованных отгулах. Альбертина Абрамовна пошла догуливать прерванный отпуск.

В течении нескольких дней Самохин написал статью о Согрянном озере и обо всём том, что оно готовило миру в недалёком будущем; опубликовал её в «Экологическом вестнике», прочитал в соответствующей программе телевидения, но она не дала ожидаемого резонанса в общественной жизни – тихо канула в бездну человеческого равнодушия, словно монета, которую бросили в неисправный тотализатор. Тогда он взял отпуск, чтобы вплотную сесть за книгу, в которой, помимо происходящих ныне событий, он намеревался запечатлеть образ горячо любимой им девушки.

Поначалу он не мог сосредоточиться на рукописи. Его мучило ощущение, что он валяет дурака, делает не то, что следует. Работа двигалась вяло и малопродуктивно; последнее обстоятельство ещё больше его расхолаживало; и он пользовался любым предлогом, чтобы оставить пишущую машинку: то принимался перебирать давно прочитанные книги, то безучастно глазел на экран телевизора, а то и вовсе уходил из дому, чтобы побродить по городу, прислушиваясь к скрипу снега под ногами и шороху мыслей, копошащихся у него в черепной коробке.

Однако он не принадлежал к той породе людей, которые рассматривают свой отпуск как законную возможность побездельничать.

Однажды после одной из подобных прогулок он вернулся к письменному столу, будучи твёрдо уверенным в том, что работа над книгой есть логическое продолжение его основного дела. Труд, обретший смысл, в конце концов, захватил его полностью.

Перед тем, как сесть за статью, он, подобно Анри Бейлю, известного миру под псевдонимом Стендаля, рядился то в рясу летописца-монаха, то в мантию академика, то во фрак беллетриста (разумеется, переносном смысле слова). Однако он был исключительно самим собой, когда трудился над книгой, посвящённой событиям, которые разворачивались перед его глазами.

Изложив события по сегодняшний день, он отложил рукопись. Финал он напишет чуть позже, когда увидит, чем кончится каламитовая эпопея. Он был из тех художников, которые, несмотря на своё неистощимое воображение, предпочитает, творя, видеть перед собой натуру.

И дальнейшие события не заставили себя ждать. Они продолжили разворачиваться со звонка телефона, установленного в квартире Самохина.

Инспектор подошёл к аппарату, снял трубку.

– Здравствуйте, Павел Игоревич, – услышал он голос своего шефа. – Как отдыхается?

– Добрый день, Альбертина Абрамовна. Отдыхаю в своём обычном стиле...

– То есть трудитесь?

– Да. Не скажете, какое сегодня число?

Телефонная собеседница засмеялась.

– Вы шутите?

– На этот раз нет. Занимаясь сочинительством, я перепутал реальности – воображаемые и действительные... – попытался объяснить Самохин. – Понимаете?..

– Понимаю. Сегодня тридцатое ноября, Павел Игоревич. Год напомнить?

– Издеваетесь?

– Избавь, боже!

– Тогда у вас хорошее настроение?

– И да и нет.

– Говорите – тридцатое ноября?.. Как быстро отпуск кончился...

– Через неделю вам на работу... Пора начинать отсчёт времени.

– Спасибо, что позвонили.

– Пожалуйста. Но я ещё ничего вам не сказала.

– Что-нибудь случилось?

– Да.

– Плохое?

– Плохое и хорошее. Что в первую очередь?

– Хорошее.

– Нас восстановили в финансах.

– Поздравляю.

– Я вас – тоже.

– Чем вызвано потепление в мире?

– Наверное, тем, что мы оказались правы...

– В дискуссии с Околесиным?

– Да. Теперь – плохое. Целлюлозной фабрики больше нет.

– Как насчёт жертв?

– Слава богу, ни единой. Прежде чем уйти в пульпу, постройки несколько дней сползали в озеро вместе с берегом, на котором они находились. Людей сняли с крыш с помощью вертолётов. Телевизионщики тоже не теряли даром времени... Они невольно поспособствовали нашему престижу...

– Озеро показывали?

– Оно было скрыто облаками не то пара, не то дыма и напоминало огромный котёл, в котором черти поджаривают грешников, – наглядная иллюстрация одного из сюжетов Библии.

– Стало быть, преисподняя работает на полную мощность; жаль, что она готова принять и грешников, и праведников...

- Что вы хотите сказать этим?
- То, что я недавно говорил по телевидению.
- Вы имеете в виду реликтовые растения, которые осаждают город?
- Да.
- Но их остановила зима.
- Я в этом далеко не уверен. Напротив, трагедия, постигшая Целлюлозное объединение, свидетельствует о их активизации.

Короткая напряжённая пауза.

– Павел Игоревич, – глухо донеслось с того конца провода, – вы серьёзно верите в тот апокалипсис, который нарисовали в своей последней статье?

– Конечно.

– И в то, что он грянет весной?

– Не весной, а в ближайшую оттепель. Вспомните, если вы видели моё октябрьское выступление по телевидению, обращение, которое я сделал в конце: «Жители Новоельска, при первых признаках потепления берите детей и уходите на Галчатник (речь идёт о столообразной горе, находящейся на окраине города). Не ждите, когда земля станет разверзаться у вас под ногами».

Глава двадцать четвёртая

Один из последних дней своего отпуска Самохин провёл за правкой рукописи, предварительно перепечатанной им на пишущей машинке. Работал с раннего утра до позднего вечера, сделав лишь короткий перерыв на обед, который он смастерил на скорую руку. Покинул письменный стол только тогда, когда глаза перестали различать строчки, а мозг вникать в их содержание.

Однако, прежде чем лечь в постель, он тщательно оделся, обулся и вышел из дому, чтобы, по обыкновению, прогуляться по окрестным улицам.

С тёмного неба падали осадки в виде частого пушистого снега; крупные бесформенные хлопья, словно куски стерильной ваты, внезапно материзовывались на фоне конусов, высветленных фонарями. Отсутствие ветра и присутствие небольшого морозца делало прогулку ещё более желанной и привлекательной.

Между тем, как ни странно, улицы были совершенно пусты. Чудесным вечером, каких не так уж много в короткой человеческой жизни, почему-то никто не соблазнился. Природа напрасно собрала всё свои прелести вместе.

А я, подумал инспектор? Разве я не стою глотка чистого воздуха, отфильтрованного щедрым снегопадом? И ещё вот эта особа, которая так же в одиночестве идёт мне навстречу?

Самохин нарочно замедлил шаги у фонаря, чтобы взглянуть в лицо женщины; её глаза и волосы, выбившиеся из-под капюшона с песцовой опушкой, показались ему до потрясения знакомыми.

– Нина Юрьевна, – тихо позвал он, останавливаясь; сердце его бешено колотилось о грудную клетку.

Женщина тоже остановилось. Она отрицательно покачала головой с улыбкой Моны Лизы.

– Вы обознались, Павел Игоревич, – сказала она, поправляя волосы, запорошенные снегом.

Разочарованный и несколько сконфуженный, инспектор подошёл к незнакомке поближе и, взглянув на неё ещё раз, понял, что ошибся.

– Вы запомнили меня по моему выступлению на телевидению? – осведомился он, кивнув вместо приветствия.

– Не только. Я работала у вас в Службе до Нины Юрьевны на её месте. Правда, не долго. Наверное, поэтому вы спутали меня с этой девушкой. На меня-то вы тогда не обращали внимания.

– Не обижайтесь... Светлана Аркадьевна, – вот я вас и вспомнил. В ту пору я не был готов к восприятию тех эстетических ценностей, которыми обладает молодая красивая женщина. Помните у Пушкина: «Пришла пора, она влюбилась...»?

– Вы хотите сказать, что человек полагает, а Природа располагает?

– Да, что-то в этом роде. Всё хорошо у человека, если он слушается матушку-Природу, а не насилует её, словно варвар...

– Не насилует мать?

– Вы правильно поставили вопрос.

– Если с этих позиций рассматривать человеческое общество, то навряд ли оно существенным образом отличается от волчьей стаи в нравственном отношении.

– Свершено верно, Светлана Аркадьевна. К счастью, девяносто девять человек из ста ничего не имеет общего с волчьей психологией.

– Господи, выходит, что все наши беды – прошлые, сегодняшние и завтрашние – исходят от этой ничтожной малости?!.

– Но эта «малость» – необычайно активная часть человеческого рода. Активная и слепая, словно стихия. Такова природа зла... Светлана Аркадьевна, – перебив самого себя, спохватился Самохин, – вас не озадачивают пустые улицы?

Девушка с улыбкой посмотрела на инспектора, идя рядом с ним и не решаясь взять под руку своего спутника.

– Нет, Павел Игоревич. Сейчас крутят американский боевик, который рекламировали всю предыдущую неделю...

– Вы хотите сказать, что горожане сиднем сидят у своих телевизоров?

– Именно это. Что тут удивительного?.. Ой, что это такое?!.

Оттепель, о которой Самохин предупреждал телезрителей, наступила не постепенно, не исподволь, а совершенно внезапно, словно наши герои шагнули из одной природной зоны в другую, где вместо снега шёл тёплый дождик и терпко пахло вьетнамскими джунглями. Впрочем, появились не только запахи от джунглей, но и сами джунгли.

Девушка чуть не наскочила на ствол ребристого дерева, вдруг выросшего на тротуаре перед нею; это обстоятельство и побудило её сделать восклицание и отпрыгнуть в сторону.

– Это не дерево, а одна видимость, – легкомысленно заявил инспектор и решительно пошёл на древесного исполина, будучи уверенным, что имеет дело с «эффектом лыжницы, отражённой в полынье времени».

Однако, вопреки его ожиданиям, дерево обладало не только оптическими свойствами, но и несокрушимой массой, и Самохин вмазался в него самым прозаическим образом.

Пока инспектор массировал ушибленную ногу, снова пошёл снег, джунгли пропали.

Тотчас из ближайших домов высыпали взволнованные горожане и при свете фонарей беспорядочно устремились по улицам, ведущим на запад. Женщины, держа на руках детей, истошно вопили:

– На Галчатник!.. На Галчатник!..

Светлана Аркадьевна и Самохин последовали за толпой, близкой к панике.

Местность, по которой они бежали, то и дело менялась: то перед ними был заснеженный тротуар, то им приходилось пробираться по звериной тропе, заваленной буреломом и белесыми костями каких-то крупных животных. Там, где только что была улица, возникало зловонное болото. Взламывая асфальт, вырастали диковинные деревья. На суках иных исполинов растительного мира торчали фрагменты архитектурных сооружений – то балкон, то арка, то часть кровли.

Нарушенная электропроводка устраивала трескучие ослепительные фейерверки, а порванные трубы водопроводов – импровизированные фонтаны. Город горел, освещая собственные похороны. А в мире, где царствовали джунгли, сияло полуденное Солнце.

Два времени – настоящее и далёкое прошлое – пытались совместиться, занять одно и то же место в пространстве, накладываясь одно на другое, ломая и круша друг друга.

Война времён была короткой, но впечатляющей. Вскоре мировые стихии успокоились. Победило прошлое.

Самохин и его бывшая сотрудница выбились из сил, однако о передышке не помышляли. Они уже не бежали, как вначале, а едва волочили ноги. К тому же у них на руках была трёхлетняя девочка, которую они нашли у трупа матери, чьё сердце, по-видимому, не выдержало ужасов, выпавших на её долю.

Ими двигало единственное желание – как можно быстрее выйти из этого душливого леса, пока они не подцепили какую-нибудь опасную инфекцию. Ребёнок постоянно плакал, то зовя маму, то прося есть.

Наконец они оказались у какой-то возвышенности, поросшей жёсткой травой и мелкими кустарниками с голубоватыми листьями. Может, это был Галчатник, куда устремились горожане, ища спасения от катаклизма,

созданного их собственными руками. Похоже. Только на этот раз, судя по хриплым гортанным крикам, на Галчатнике обитали не галки, а какие-то незнакомые птицы.

Пусть будут хоть стервятники, безразлично подумал Самохин, делая первые шаги по косогору, лишь бы было сухо.

– Привал, девушки, – как мог, бодро объявил он, снимая малышку со своей шеи.

Светлана Аркадьевна тотчас опустила там, где её застал голос инспектора.

Несколько минут спустя Самохин услышал чьё-то безутешное приглушённое рыдание. Он с трудом поднялся на ноги.

На этот раз плакала другая спутница – его бывшая сотрудница.

– Успокойтесь, Светлана Аркадьевна, – сказал он, наклоняясь над девушкой. – Слезами горю не поможешь...

Девушка повернула лицо, искажённое душевными муками.

– Что с нами происходит, Павел Игоревич? Куда мы попали? Неужто никогда не кончится этот кошмарный, горячечный бред... вышедший из-под кисти Гойи?..

– Успокойтесь, Светлана Аркадьевна, – повторил Самохин, садясь рядом с девушкой. Немного помолчал, по-видимому, собираясь с мыслями. – Возьмите себя в руки, прошу вас. Нам нельзя расслабляться... Наши трудности только начинаются...

– Откуда эти проклятые непроходимые джунгли... у нас в Сибири... в условиях, суровость которых сосны и берёзы едва выносят?

– Это не джунгли, Светлана Аркадьевна.

– Что же по-вашему?

– Каменноугольные заросли... расцвет которых палеоботаники относят к карбону, существовавшему многие миллионы лет назад. Они даны нам в наказание за наше вопиющее пренебрежение к экологии.

– Что плохого мы с вами ей сделали?

– Говоря «нам», я имел в виду человечество.

Девушка села и ошеломлённо посмотрела на инспектора.

– Вы хотите сказать... что этот каменноугольный кошмар переживает всё человечество?

– Да, Светлана Аркадьевна.

Девушка помолчала.

– О чём вы думаете?..

– Я думаю о человеческой цивилизации, об этой несокрушимой ноосфере Вернадского, которая распалась в одночасье... словно хитроумные замки, построенные детьми на песочной площадке... Стало быть, людям придётся начинать всё сначала?

– Совершенно верно. Только – обязательно – с учётом ошибок и промахов, которые они наделали. Иначе Природа отбросит нас ещё дальше в прошлое... где человека ещё не было... и быть не могло...

– То есть в небытие?
– Вы правильно меня поняли.
– Разве в каменноугольном периоде человек уже был?
– Был, – твёрдо сказал Самохин. – Мы с вами – тому неопровержимое доказательство. Кроме того, геологи иногда находят следы с отпечатками подошв обуви...

Глава двадцать пятая

Светлана Аркадьевна облизала припухшие губы и вопросительно посмотрела на Самохина, который неподалёку лежал с открытыми глазами, явно наслаждаясь отдыхом.

– Павел Игоревич, – промолвила она, решительно поднимаясь на ноги, – уж если мы не можем вернуться в настоящее, так давайте хотя бы подумаем о нашем недалёком будущем. Время уже за полдень, а у нас нет ни крыши над головой, ни хлеба на обед и ни воды, чтобы утолить жажду. Или вы полагаете, что на горе нас ожидают княжеские палаты и хороший повар?

Поднялся и инспектор.

– Вы правы, Светлана Аркадьевна, – согласился он, взял на руки малышку.
– Впрочем, с водой, кажется, проблем у нас не будет, – пообещала Светлана Аркадьевна. – Я слышу журчание ручья, подобное сладкому пению райской птицы...

Действительно, слева от их привала в зарослях всё той же жёсткой травы они обнаружили крошечный поток, который из бочажка в бочажок изливался многочисленными каскадами.

Напившись воды, они продолжили восхождение на гору.

В сущности это был небольшой холм, увенчанный серыми скалами, у подножия которых плескалось озерцо с неправдоподобно голубым содержимым: на его песчаных берегах росли какие-то травы с душистыми лиловыми цветами и мясистые бледно-зелёные растения, напоминающие цветную капусту. Спугнутые появлением людей, над скалами кружили пёстрые птицы размером с курицу; их яйца белели на выступах каменного массива.

– Пока нам неслыханно везёт, – со вздохом облегчения сказал Самохин.
– Похоже, кто-то из нас родился в сорочьем гнезде...

– Вы хотите сказать – в сорочке? – немедленно уточнила Светлана Аркадьевна.

– Может быть...

– Осталось сообразить жилище, – промолвила девушка. – Правда, маленькая? – наклонилась она к малышке, которая тихо стояла рядом с нею и вертела головой, наблюдая за птицами, не слишком благозвучными голосами оглашающими окрестности доисторического леса.

– Правда, Светлана Аркадьевна, – тотчас отозвалась кроха, всё ещё одетая в беличью шубку и сапожки с той же опушкой по верху голенищ.

– Ты очень умная девочка. А как твоё имя?

– Я Катя. Папа назвал меня в честь русской царицы.

– Поначалу люди снова заселят пещеры, – вслух размышлял Самохин.
– Неудивительно. Пещера – самое надёжное убежище в условиях закона джунглей: три каменных стены и костёр, заменяющий четвёртую – это почти крепость...

– Ну что ж, сойдёт и пещера, – одобрила Светлана Аркадьевна. – Я верно говорю, Катерина?

– Верно, Светлана Аркадьевна.

Инспектор озабоченно нахмурился.

Светлана Аркадьевна это заметила.

– Вы с нами не согласны, Павел Игоревич?

– Нет, почему же? Согласен, уважаемые дамы, согласен. Конечно, сойдёт и пещера... если нам с вами посчастливится отыскать таковую.

Им посчастливилось: они нашли пещеру. Вернее – нечто, напоминающее пещеру.

Грот состоял из нескольких гранитных глыб, некогда, в пору горообразования, поставленных тектоническими силами в виде шалаша, и был достаточно высок и просторен; этим же процессам, по-видимому, были обязаны и сами скалы, которые напоминали исполинские торосы.

Самохин принёс в грот охапку сухих сучьев, запалил их газовой зажигалкой, надеясь огнём изгнать из будущего жилища вредных насекомых, а то и кого-нибудь покрупнее.

Пока костёр делал своё благое дело под наблюдением двух пар восхищённых глаз, инспектор соорудил из стеблей кустарников метлу, черёд которой придёт чуть позже.

– Светлана Аркадьевна, – сказал он, явно довольный своим немудрёным изделием, – что вам известно о карбоне?

– К сожалению, не очень много. Что именно вас интересует, Павел Игоревич?

– Я бы хотел знать, была ли в каменноугольном периоде озосфера, то есть озоновая защита от жёсткого космического излучения?

– Не помню, чтобы я где-то об этом читала или от кого-то слышала. А что?

– У меня имеются подозрения, что озосфера здесь отсутствует. Если мои подозрения подтвердятся, нам придётся вести себя соответствующим образом...

– На чём основаны ваши подозрения?

– На наблюдениях, Светлана Аркадьевна. Понаблюдайте и вы, если вам не трудно, – с этими словами он подошёл к ближайшему каменному торосу и махнул метлой, к которой уже успел приладить черенок.

Пёстрые птицы, недовольно клекоча, поднялись в воздух; большинство пернатых вернулось к гнёздам почти тотчас; те же птицы, что продолжали летать, держались в тени, даваемой скалами.

Девушка поняла, куда клонит инспектор, однако из опыта с метлой сделала собственные выводы.

– Я догадалась, Павел Игоревич, что навело вас на мысль об отсутствии озонового слоя... Птицы действительно избегают Солнце... однако его лучи не считают смертельно опасными для своего здоровья. Иначе они столь охотно не покидали гнёзда при виде существ, которые никогда их не обижали.

– Так или иначе, но я настаиваю на том, чтобы вы с Катей без нужды не выходили на открытое Солнце.

– Ультрафиолет очень полезен, а вокруг столько миазмов... – возразила Светлана Аркадьевна.

Самохин помолчал, обдумывая, как поубедительнее высказать очередной аргумент, который он приготовил напоследок.

– Собирая сухие сучья для топлива, – начал он издали, – я забрёл на ту сторону сопки...

– И увидели несчастных горожан, которые бросили свои квартиры и устремились на ваш благословенный Галчатник?! – с воодушевлением предположила Светлана Аркадьевна.

Инспектор отрицательно покачал головой.

– Я хотел сказать о водоёме и неизвестных животных, которые, судя по их скелетам, усеявшим обширный пляж, были большими почитателями ультрафиолета. Хотите увидеть это собственными глазами, Светлана Аркадьевна?

Девушка пожалала плечами, но ничего не ответила.

– Павел Игоревич, – отозвалась малышка, – а почему у меня про это не спросите?..

Самохин опустил на колени перед маленькой дамой, чувствуя себя провинившимся мальчишкой.

– Уважаемая Катерина, – сказал он с искренностью преданного рыцаря, – не хочешь ли ты взглянуть на кости?

– Хочу, – ответила кроха. – Очень хочу, если на них осталось немного мяса...

– Ты так проголодалась?

– Нет спасу!

– Я тоже, – вставила Светлана Аркадьевна.

– Подождите самую малость, – попросил инспектор. Я вам приготовлю кое-что получше...

– Что именно? – осведомилась Светлана Аркадьевна.

– Пока печёные яички этих славных птиц, которые обитают на скалах. А завтра утром, когда отожгутся горшки, что я сегодня вылепил из глины...

– Мы потушим капусту и заварим чай на душистых травах? – подхватила Светлана Аркадьевна.

После ужина Самохин взял челюсть какого-то животного с острыми мелкими зубами – её он принёс с «пляжа», надеясь, что она пригодится в хозяйстве, – и, уподобив её серпу, принялся резать траву, похожую на осоку. Как ни странно, но примитивное орудие исправно делало своё

дело. Затем, вооружившись метлой, он тщательно вымел в пещере. Нагретые костром камни ещё хранили тепло: оно будет не лишним, когда наступит ночная прохлада.

Из срезанной травы он соорудил две лежанки: одну для дам, другую для собственной персоны.

Побагровевшее перед закатом Солнце между тем исчезло за горизонтом. Тотчас стало темно, как в преисподней.

После того, как женщины забрались в свою импровизированную постель, инспектор заложил вход внушительной кучей сухих сучьев.

– Их треск предупредит нас о приходе непрошенного гостя, – объяснил он. – А если последний будет слишком настойчив, они в считанные секунды могут превратиться в костёр, достаточно поднести к ним зажигалку...

Глава двадцать шестая

Первую ночь в карбоне они провели вполне благополучно, их сон никто не потревожил; возможный гость, по-видимому, сделал визит к кому-то другому. Они хорошо выспались и отдохнули от передраг и потрясений, пережитых ими накануне.

На завтрак были печёные яички, оставшиеся от ужина. Лакомство в виде тушёной капусты и чая поспело только к обеду. Разумеется, слово «лакомство» сказано с известной натяжкой, поскольку в первом блюде не доставало соли, во втором – сахару.

– У меня такое ощущение, – задумчиво сказала Светлана Аркадьевна, сидя в тени полуденного Солнца на травянистом берегу озера рядом с остальными членами маленькой общины, – будто мы в кои веки выбрались на пикник за город... но забыли взять с собой самое необходимое... и ничего исправить нельзя...

– Да, – согласился Самохин. – Ничего исправить нельзя. Совершенно верно, Светлана Аркадьевна. – Он помолчал. – А может быть, не нужно? Каждый человек заслуживает своей судьбы, как падшие ангелы стоят того, чтобы они были изгнаны из рая.

– Неправда. Вы не заслуживаете...

– Чего не заслуживаю?

– Ну... этого... ада, что ли...

– Это не ад, а чистилище.

– Какая разница?

– Ад и рай – это способ воздаяния по заслугам, – объяснил инспектор. – Между тем как чистилище есть пересыльный пункт на том свете, где находятся души праведников и грешников до тех пор, пока выяснится, кто чего стоит. Госпожа Вечность предложила человечеству очиститься от скверны, именуемой в просторечии пренебрежением к среде.

– Ещё один грех, подобный первородному? – с пафосом осведомилась Светлана Аркадьевна. – Вашей Вечности не достаёт христианского

милосердия. За то, что я однажды выполоскала в реке таз белья, она обрекает меня остаток жизни провести в пещере и есть малоаппетитную пищу, чтобы до времени не протянуть ноги... Господи, укрепи мою психику. Я, кажется, близка к сумасшествию...

– Успокойтесь, Светлана Аркадьевна...

– А вам хоть бы что, Павел Игоревич... Быстро же вы адаптировались...

– Советую вам последовать моему примеру.

– Постараюсь. Вы ожидали худшего?

– Да.

– Значит, наказать вас Вечности не удалось. Зато другие, по-видимому, получили сполна...

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду остальных обитателей нашего полумиллионного города. Где они?

– Наверное, рассеялись по каменноугольному лесу, – неуверенно предположил инспектор.

– Я тоже сперва так считала...

– И что же?

– Если бы вокруг нас были люди, они выдали бы себя громкими разговорами, криками детей или дымами, поднимающимися к небу. Но я напрасно напрягала слух, прислушиваясь, и зрение, оглядывая окрестности... Что вы на это скажете, Павел Игоревич?

Самохин ответил не сразу, хотя, похоже, знал, что сказать, только обдумывал слова, в которые собирался облечь мысль, внезапно пришедшую ему в голову. Он то хмурился, то загадочно улыбался, что-то невнятно бормоча себе под нос. Наконец он отважился сформулировать идею, граничащую с безумием:

– Обитатели нашего полумиллионного города никуда не подевались; они находятся ближе, чем мы думаем; возможно, даже – на этом самом холме, который мы облюбовали для своего убежища...

Девушка посмотрела на инспектора не то испуганно, не то отчуждённо; она, по-видимому, решила, что Самохин опередил её и спятил раньше.

– Мы их не видим и не слышим потому, – продолжал инспектор, – что они отгорожены от нас стенами... стенами, более непроницаемыми и несокрушимыми, чем железобетонные.. Нет, нет, я не лишился ума с горя, уверяю вас, Светлана Аркадьевна, – добавил он, словно догадавшись о том, что она о нём подумала. – Чтобы человеческий род не принял за старое, Вечность раздробила его на маленькие группы, подобные нашей, и каждой подарило кусок времени размером... ну, скажем, в тысячелетие.

Девушка облегчённо вздохнула.

– Как вы меня напугали, Павел Игоревич! – промолвила она и в порыве какого-то сложного чувства горячо поцеловала... девочку, сидевшую у неё

на коленях. – Безумны-то не вы, а ваша гипотеза, которая, пожалуй, недалеко от истины: логично допустить временной сэндвич...

– Или вавилонскую башню времени...

– ...для того, кто сам оказался жертвой произвола Вечности, – закончила девушка.

– Прекрасно сказано, Светлана Аркадьевна, – похвалил Самохин, с повышенным интересом глядя на девушку. – На вас, как на мужчину, столь же неотразимо действует аргумент логики.

– Это, по-видимому, самая высокая похвала, которой вы удостоиваете бедных женщин.

Инспектор промолчал, смущённый пронизательностью своей собеседницы.

– Стало быть, человечество изолировано от самого себя... – в раздумии промолвила Светлана Аркадьевна.

– Оно того заслуживает.

– Что же делать будем дальше?

– Искать другие башни и группы людей, находящиеся на том же этаже времени, что и мы. Одним нам не выжить в условиях, которые тут господствуют... – Инспектор осёкся, увидев крылатую рептилию, севшую, лучше сказать, плюхнувшуюся на противоположный берег озера.

Птеранодон собственной персоной к нам пожаловал, догадался инспектор.

Выходит, эти драконы были уже в карбоне, размышлял он. Правда, наш гость значительно отличается от тех экземпляров, которые описаны палеонтологами по костям, найденным в меловых отложениях. Впрочем, он только что начал восхождение к своему виду и ещё не успел сбалансировать функции организма в соответствии с законом корреляции.

Существо, которое Самохин назвал птеранодом, мало походило на птицу, вернее – столько же, сколько на крокодила, моржа, летучую мышь и рыбу, потому что оно обладало лапами, зубастой пастью, чешуёй и, конечно, перепончатыми крыльями. Само собой разумеется, что этот монстр слыхом не слыхивал об открытии Кювье, именуемом законом корреляции.

Несмотря на то, что эволюция сшила его белыми нитками, он был привередлив, словно заправский гурман; иначе он утолил бы жажду из первопопавшей лужи, а не тащился бы к озеру с родниковой водой, изнемогая от собственной тяжести: весил он не менее взрослого бегемота.

Утолив жажду – надо сказать к его чести, выпил он немного, – птеранодон погрузился в воду, затем, вынырнув, сделал несколько кругов, блаженно отфыркиваясь и шумно хлопая крыльями и лапами. Было видно, что он лучше чувствует себя в воде, чем в небе. На людей, к их счастью или досаде, как посмотреть, он не обращал ни малейшего внимания.

Вдосталь нарезвившись, птеранодон выполз на берег, чтобы подремать и погреться на Солнце.

– Не собирается ли он остаться здесь на ночь? – шёпотом промолвила Светлана Аркадьевна, сидя в напряжённой позе и прижимая к себе малышку. – Дал бог соседа.

– Пусть его остаётся, – отозвался Самохин. – Ящер, несмотря на его устрашающий вид, похоже, безобиден...

– Безобиден, пока сыт. Вы заметили, какие у него зубы?

Но птеранодон сам кого-то или чего-то испугался (быть может, сон дурной увидел); он вздрогнул, открыл глаза, но вместо того, чтобы устремиться в небо, он бросился в озеро, оглушительно захлопал крыльями; в этот момент он напоминал гидроплан, который намеревается взлететь с поверхности водоёма...

Внезапно день сменяется ночью, крики птиц исчезают, холодает, с тёмного неба начинает идти снег... тот самый густой пушистый снег, что предшествовал светопреставлению...

Самохин снова замедляет шаги у фонаря, чтобы заглянуть в лицо незнакомой женщины... Но фонарь гаснет, а снег прекращается.

На этот раз инспектор сидит у прогорающего костра и смотрит на Согряное озеро, что бредит иными мирами, отражая берега, не существующие на самом деле; рядом с ним – друг его юности и загадочный человек по имени Аристарх Иннокентьевич.

Глава двадцать седьмая

Бывший инженер-конструктор сидел у скатерти, разостланной на жухлой траве, и задумчиво смотрел на порожнюю посуду, что осталась от недавней трапезы; он имел вид человека, который тщетно пытается понять то, что происходит вокруг.

– Я, кажется, малость вздремнул, – неуверенно промолвил он, не то смущённо, не то сконфуженно улыбаясь. – Не малость, а порядком, – поправился он. – Кошмары, которые я видел во сне, не снятся с бухты-баракты, будь уверен. Даже успел проголодаться... Паша, в котелке не осталось картошки?.. Правда, я настолько голоден, что съел бы собаку с шерстью, попадись она сейчас мне под руку...

– Что же ты видел? – живо заинтересовался Самохин, сидящий по другую сторону скатерти.

– Чёрт те что... Началось с того, что моя каланча ни с того, ни с сего провалилась сквозь землю, и мне пришлось из разного хлама, какого полно на свалке, соорудить нечто вроде балагана. По теплу было сносно. Но морозы заставили меня серьёзно призадуматься. Тогда я вспомнил, что в городе у меня имеется друг, которого, как он уверял меня однажды, я сделаю счастливым, если разделю с ним его двухкомнатную квартиру.

– Имеется у тебя такой в городе, Володя, – подтвердил инспектор. – Он будет счастлив помочь другу...

– Далеко не с лёгким сердцем покидал я свалку, где мне открылся смысл такой духовной сущности как независимость или, если хотите, свобода, что одно и то же. Вы меня понимаете?

– Да, конечно, – заверил Самохин. – «Пожалуйста, без этих беллетристических отступлений...» – хотелось ему добавить.

Аристарх Иннокентьевич ограничился тем, что кивнул в знак согласия; он сидел на чемоданчике, именуемом «дипломатом».

– Я не помню, почему я отправился в город пешком, а не поехал на грузовичке – наверное, такова логика иррационального мира, который порождает кошмарные сновидения...

– Дело было вечером, – продолжал он, посмотрев сначала на инспектора, потом на триарха. – Шёл снег при небольшом морозце; он валил крупными частыми хлопьями, фильтруя загаженный смогом воздух. Пока крутится хотя бы один двигатель внутреннего сгорания, сказал я себе, об экологическом благополучии не может быть и речи. Хорошо сделал, что оставил свою железную вонючку на свалке – там ей, собственно говоря, и место.

– Абсолютно верная мысль, – одобрительно заметил Аристарх Иннокентьевич. – И сформулирована превосходно. Лучше не скажешь.

– Я это сказал совсем не для того, чтобы угодить твоим эстетическим вкусам, триарх...

– Я знаю, Володя. Извини, что перебил. Мы слушаем тебя с Павлом Игоревичем.

– То, что мне пригрезилось затем, было чистейшим бредом... от которого хочется немедленно проснуться, будь уверен...

– Тебе это удалось? – спросил Самохин.

– Не сразу. Безо всякого перехода, как это часто бывает во сне, я очутился на обширной поляне, которую со всех сторон обступали гигантские деревья неизвестной породы. Сквозь не очень плотную пелену облаков угадывалось Солнце, находящееся в зените. Вместо снега моросил дождик. Было жарко, как в парилке. На поляне вперемежку с травой, отдалённо напоминающей папоротник, торчали огромные грибы, раскрашенные во все цвета радуги; её пересекал мутный ручей с отвратительным запахом. Этот малопривлекательный поток вытекал из болота, кишашего животными, которые, казалось, состояли из одной зубастой пасти; они непрерывно пожирали друг друга, словно пауки, запертые в банке. Некоторые ухитрялись вцепиться в собственный хвост и не успокаивались до тех пор, пока его не отгрызали, будь уверен... Размером они были с нильского крокодила.

Несмотря на свои кровавые свары, самоеды заметили меня тотчас, едва я оказался в поле их зрения; словом, они отреагировали мгновенно и однозначно – со всей прытью, на какую были способны, бросились в мою сторону...

Володя немного помолчал, по-видимому, вспоминая подробности своей истории, которую он считал кошмарным сном.

– Уж не помню, как оказался на дереве с чешуйчатым стволом и с жёсткими лентовидными листьями на ветках...

– Сработал автоматизм самосохранения, – подсказал инспектор.

– Может быть, – согласился обитатель свалки. – Я выбрал поудобнее развилку и приготовился к приходу ночи, а когда она наступила, я всеми силами своей души боролся с сонливостью, чтобы не свалиться со своего древесного спасителя.

Судя по хрусту костей и треску раздираемой плоти, самоеды тоже не спали.

Утро принесло мне ощущение острого голода и нестерпимой жажды; однако спуститься вниз, чтобы попытаться утолить то и другое, я не решился из боязни угодить в желудок чудовищ. Утешался мыслью, что это всего лишь сон, который поздно или рано кончится, и что голоден я не по-настоящему...

– Ты заблуждаешься, Володя, – тихо, но твёрдо сказал Аристарх Иннокентьевич, вставая.

Затем он не спеша открыл чемоданчик, на котором только что сидел, извлёк из него головку сыра, батон колбасы и булку хлеба – всё это он положил на скатерть.

– В чём заблуждаюсь?

– Хотя бы в том, что ты голоден не по-настоящему... Пододвигайтесь поближе к скатерти и вы, Павел Игоревич, – триарх повернулся к Самохину. – Вы ведь тоже целые сутки не ели ничего путного, верно?

– Вы правы, Аристарх Иннокентьевич.

– Надеюсь, вы не считаете, что своим путешествием в карбон обязаны своим кошмарным сновидениям?

– Нет, – покачал головой инспектор, делая бутерброд из хлеба и сыра.

– Я ни минуты не сомневался, что события, переживаемые мною, происходят на самом деле.

– Это потому, что вы их предвидели.

– Возможно.

Бывший инженер-конструктор с огромным аппетитом поглощал съестное, предложенное триархом; глядя на него, можно было подумать, что он не интересовался тем, о чём беседовали его приятели. Но это было далеко не так.

– Вы хотите сказать, ребята, что мои самоеды существовали в действительности, а не результат резвости моих нейронов, злоупотребивших временем, которое я отвёл для отдыха? – осведомился он, проглотив очередную порцию пищи.

– Именно это, – ответил Аристарх Иннокентьевич.

– Тогда куда же они вдруг подевались?

– Остались у себя в каменноугольном периоде... который легкомысленное человечество спровоцировало своими антисанитарными действиями. Речь идёт об экологической катастрофе...

– От которой Паша предостерегал толстокожих обывателей?

– О ней самой.

– Ты гений, Паша!

– Ты тоже об этом догадывался...

– Если я не ошибаюсь, карбон имел место триста сорок – двести восемьдесят пять миллионов лет назад. Как сумела Вечность за прегрешения перед Природой бросить человека в бездну столь отдалённого прошлого?

– Человек сам в неё сорвался, – объяснил Аристарх Иннокентьевич. – Парниковый эффект, озоновые дыры, загрязнения промышленными выбросами атмосферы и водоёмов – всё это способствовало образованию временной клоаки, подобной, говоря медицинским языком, прободению язвы...

– Ты упомянул человечество?..

– Катаклизм имеет глобальные масштабы...

– Судя по всему, оно отделалось лёгким испугом.

– Опять ты ошибаешься, Володя. Оно всего лишь получило отсрочку.

Шестимесячные каникулы.

– Природа дала ему шанс выжить?

– Природа тут ни при чём.

Человек со свалки прекратил жевать, полагая – и не без основания, – что он сейчас услышит нечто необыкновенное... «Я почувствовал приближение неординарного откровения», как он скажет позднее корреспонденту местной газеты. Подобное ощущение возникло и в сознании Самохина.

– Это сделают специалисты, – заявил Аристарх Иннокентьевич. – Группа специалистов, – поправился он, – способных к безаппаратным путешествиям во времени; они могут многое, в том числе отодвинут канун экологического кризиса...

– Шесть месяцев – это много или мало? – осведомился Володя после небольшой паузы, пережевывая завтрак, а заодно и информацию триарха.

– Всё зависит от того, как поступят люди, – предположил инспектор.

– Они поступят однозначно, – решительно сказал Аристарх Иннокентьевич. – Хотят они того или нет, но им придётся налаживать жизнь, в которой не будут ущемлены интересы ни одного из симбионтов, сосуществующих с ними на планете. Иначе – они снова станут пленниками карбона, и на этот раз без надежд выбраться оттуда...

– Но прежде люди должны быть твёрдо уверены, убеждены в том, что они побывали в карбоне не в сновидениях, а наяву, – подсказал Самохин.

– Между тем у многих, подобно Володе, могло составить мнение, что они имели дело с патологическим кошмаром. Или я не прав, Аристарх Иннокентьевич? Я хочу сказать, может быть, вам следует пойти в Телекомпанию или ещё куда-нибудь и как-то просветить общественность в этом смысле?

– Нет надобности. Люди и без меня разберутся, где сон, а где явь. Вы убедитесь в справедливости моих слов, когда вернётесь в город.

Глава двадцать восьмая

Итак, мир отброшен на шесть месяцев назад, размышлял Самохин, закуривая сигарету. На дворе был июль, когда я первый раз посетил свалку, чтобы увидеть, чем «бредит» Согряное озеро. Между тем башня и грузовичок уже утонули в тине, а мой «запорожец», на котором я сюда приехал, не ждёт меня на берегу у берёзы... Впрочем, уместно ли чему бы то ни было удивляться, если речь идёт о времени, полном непредсказуемых сюрпризов и парадоксов? Хранит же моя память знания, о которых я в ту пору не имел представления.

– Нам, наверное, нужно как-то устраиваться на ночь? – предложил он вопрос для всеобщего обсуждения. – Может быть, запасём побольше топлива и встретим рассвет у костра?

– Для меня это привычное дело, – отозвался обитатель свалки.

– Я тоже не возражаю против ночёвки на берегу озера, – высказал своё мнение Аристарх Иннокентьевич, – если таково ваше истинное желание, а не вынужденная мера.

– Вынужденная мера, – уточнил инспектор. – Мне же завтра необходимо быть на работе.

– В таком случае нам целесообразнее ночевать в вашей квартире, Павел Игоревич.

– Есть одно «но». На чём мы доберёмся до города?

– На автомобиле, который вы взяли напрокат в начале сентября, чтобы приехать сюда во второй раз.

– Ну да, конечно. Это меняет дело. Я всё забываю, что вы – триарх, владыка всех трёх ипостасей времени. Сделайте одолжение – забросьте нас в сентябрь, если вам не трудно.

– Нисколько.

Давно закатившееся за горизонт Солнце внезапно осветило неприглядные окрестности городской свалки; судя по положению светила на небе, был полдень.

Аристарх Иннокентьевич и Самохин посмотрели друг на друга, первый – с благожелательной улыбкой, второй – со смешанным чувством благодарности и восхищения. Однако их товарищ, казалось, никак не отреагировал на акт перемещения во времени; он по-прежнему сидел около скатерти и рассеянно кормил хлебными крошками с руки осмелевшую синицу.

– Триарх, ты напрасно выгатажил меня из июля, – сварливо сказал он, не меняя позы. Услыхав его голос птичка с жёлтой манишкой и чёрным галстуком перестала клевать крошки, однако с руки не улетела. – Я не собираюсь ехать с вами в город.

– А ты соберись, Володя, – посоветовал Аристарх Иннокентьевич. – Флора карбона принесла Новоельску большие разрушения. Общество испытывает нужду в твоём опыте строителя.

Человек со свалки неопределённо пожал плечами.

– Какие там разрушения? Вы же, триархи, вернули то время, когда катаклизма ещё не было.

– Но катаклизм имел место, понимаешь, имел, – повторил триарх с акцентом на слове «имел». – Неважно – раньше или позже, факт состоялся, и никакие манипуляции с перемещением во времени неспособны устранить его последствия, равно как и память о нём. Природа материальна, ничего не возникает на пустом месте и ничто не исчезает бесследно.

Последний аргумент, похоже, достиг цели.

– Ты прав, триарх, – Володя решительно поднялся на ноги. – Идёмте в машину. А то я до конца жизни буду чувствовать себя отщепенцем, предателем и ещё бог знает кем по отношению к своему племени.

Электромобиль, сверкая тёмно-синим лаком, стоял на дороге. Триарх и Володя направились в сторону машины, ступая на пучки прутьев, из-под которых сочилась чёрная вязкая жижа. Самохин тоже поднялся с насиженного места, однако за товарищами не последовал.

– Что с вами, Павел Игоревич? – осведомился триарх, открывая дверцу. – Вы что, не узнали собственный автомобиль?

– Это собственность проката, – поправил инспектор. – Послушайте, Аристарх Иннокетьевич, – понизил он голос почти до шёпота, – на месте водителя... случайно... не сидит субъект... похожий... на вашего покорного слугу?

Триарх понимающе улыбнулся.

– Нет. Водительское место свободно, Павел Игоревич. Садитесь. Вы запуганы плохими фантастическими романами о путешествиях во времени, в которых незадачливые персонажи то и дело встречаются со своими двойниками, а то и женятся на собственных прабабушках. В действительности же подобные ситуации исключены. Личность неразделима: она остаётся в единственном числе, куда бы её судьба ни забросила. Иначе говоря, если вы путешествуете в прошлом, то в остальных двух ипостасях времени вас быть не может...

Инспектор сделал какой-то неопределённый жест, на который триарх тут же обратил внимание.

– Вас не устраивает моё объяснение, уважаемый Павел Игоревич? – осведомился он.

– То, что вы сказали о личности, путешествующей во времени, вполне убедительно, – заверил Самохин. – Я усматриваю противоречие в том, что касается машин. Почему то, что было закономерным для «запорожца», оказалось исключением для электромобиля?

– Справедливое замечание, Павел Игоревич. Электромобиль находится здесь благодаря моему произволу; я предвидел, что он нам сегодня понадобится...

Первое, на что Самохин обратил внимание, вырубивая на асфальтированное шоссе, это развороченная железнодорожная насыпь; на её склонах торчали во все стороны причудливо изогнутые, сильно прожавевшие рельсы, тут и там валялись гнилушки, которые совсем недавно были шпалами.

Да и сама дорога ничего общего не имела с той автомагистралью, по которой инспектор ездил к озеру месяц назад; её покрытие превратилось в тонкую чёрную пыль, подобную молотому графиту; на ней возникли глубокие воронки, точно она только что была мишенью пушечного обстрела.

– Хорошо, что едем засветло, – сказал Самохин, лавируя между загадочных воронок. – Иначе я бы не поручился за нашу безопасность...

– Не скромничай, – усмехнулся его школьный товарищ. – Ты же ас, каких мало, будь уверен...

– Верно, – отозвался триарх. – Как на водителя на Павла Игоревича положиться можно...

– Только как на водителя? – уточнил инспектор.

– Скажем, и как на водителя, – поправился владыка времени. – Простите, Павел Игоревич, за мой неловкий комплимент. Когда доберёмся до вашего дома (будем надеяться, что он сохранился), – продолжал он, – мы тотчас покинем сентябрь и вернёмся в июль – в то многообещающее время, откуда взяла старт новая человеческая цивилизация.

– Хочется верить, – промолвил ему в тон Самохин, – что эта цивилизация станет более благополучной, чем прежняя.

Мир после того, как триархи вытащили его из карбона, уже не был тем миром, который знали земляне, в нём произошли радикальные перемены, впрочем, как и в душах самих его обитателей, его придётся постигать и обживать заново, словно чужую планету: в этом все больше убеждался Самохин, идя июльским солнечным утром по Новоельску в обществе своих товарищей.

Город представлял собой сплошные трущобы, словно его долго и расчётливо бомбили с воздуха. Деревья и кустарники, украшавшие парки, безнадежно засохли, травы на газонах почернели, улицы и тротуары были изрыты и напоминали пашню, приготовленную для посева...

Для посева новой цивилизации, подумал инспектор. Дай бог, чтобы плоды были не столь горькими, когда придёт время сбора...

– И тут эти странные воронки... – вздохнул Володя, останавливаясь.

– Я, кажется, догадываюсь о происхождении этих конических углублений, – сказал Самохин. – Их оставили доисторические деревья, когда возвращались к себе в каменноугольный период.

– Я тоже об этом подумал... – согласился Аристарх Иннокентьевич.

Человек со свалки задумчиво посмотрел на товарищей.

– Вы, наверное, правы, – сказал он, пожав плечами. – Я где-то читал, что чем идея безумнее, тем она ближе к истине... или что-то в этом роде.

Триарх чуть заметно улыбнулся.

– Нильс Бор имел в виду теорию, – уточнил он, убрав улыбку. – Вопрос в том – цитирую его слова, – достаточно ли она безумна, чтобы быть правильной.

– В нашем мире безумства хоть отбавляй... – вставил Володя.

– Стало быть, всё правильно, – подытожил инспектор.

Но остальные обитатели Новоельска красивым теориям явно предпочитали будничную практику; вооружившись носилками и лопатами, они разгребали завалы, расчищали подходы к жилищам. Откуда-то появился раствор, нашлись каменщики, плотники, электромонтёры, дорожные специалисты и даже садоводы, которые высаживали молоденькие деревца, бог весть где раздобытые. Грохот тачек, стук кирпичей, звон лопат и голоса детей, вносящих чарующую ноту, свидетельствовали о том, что симфония жизни звучать продолжает.

– Люди не теряют даром времени, – улынулся Самохин. – Живут как ни в чём не бывало, раз уж снова представилась возможность.

– Живут, если трудятся, – промолвил Аристарх Иннокентьевич. – Труд – самое убедительное и яркое проявление жизни.

– Вы как хотите, а я пойду составлю компанию каменщикам, – решительно заявил строитель, который перестал быть «бывшим». – Спасу нет, как чешутся руки по настоящей... общественно-полезной работе!

– Иди, Володя, – сказал инспектор. – Мы с Аристархом Иннокентьевичем поднимемся на строительные леса немного позже, когда побываем в моей конторе. Верно? – он повернулся к триарху.

Но владыки времени рядом уже не было.

Самохин оглянулся вокруг с тщетной надеждой увидеть товарища; лицо инспектора выражало скорее досаду, чем растерянность.

– Спору нет, Аристарх Иннокентьевич – человек совершенно уникальный во всех отношениях, – промолвил он, по обыкновению, ровным голосом. – Но я не берусь утверждать, что мне нравятся его внезапные исчезновения.

– Напрасно, – возразил друг его юности. – В способности исчезать и устраивать исчезновения как раз и заключается его уникальность... Разве не благодаря ему исчез каменноугольный период, под завязку набитый чудовищами, которые пожирают друг друга?

– Прежде чем исчезнуть самому, ему следовало встретиться с кем-нибудь из тележурналистов и рассказать им всё, что следует знать человечеству...

– А ты на что, Паша? Ты сделаешь это не хуже триарха, будь уверен. Кроме того, триарх из будущего...

– Ну и что?

– То, что у человечества есть будущее. Отсюда следует, что он выполнил свою миссию до конца. Остальное мы обязаны сделать сами...

Глава двадцать девятая

Попрощавшись с товарищем, Самохин торопливо зашагал по изрытой чёрной ленте, которая совсем недавно, а может быть, многие миллионы лет назад (с какой стороны на это посмотреть), была тротуаром, покрытым гудроном. Вскоре его быстрый шаг напоминал рысь человека, опаздывающего на самолёт или поезд.

Я дурака сваял, что сразу не пошёл в контору, досадовал он на себя, прибавляя шагу. У меня есть все основания надеяться (Надежда, Вера и Любовь – эти изначальные иллюзии – в его душе активизировались разом), что Нина Юрьевна сегодня пришла на работу, как приходила она в то время, которое предстоит человечеству прожить ещё раз, благодаря усилиям триархов.

Как ни странно, но здание, в котором помещалась Служба Окружающей Среды, не было разрушено деревьями каменноугольного периода. Только угол немного ковырнуло, но его уже заделали. Защитники Природы во главе с Альбертиной Абрамовной, вооружённые мётлами и лопатами, устраняли последствия ремонта.

Самохин поздоровался с коллегами, извинился за опоздание и тотчас впрягся в носилки на пару с юным инспектором, которого в шутку называли Павлом Игоревичем Наоборот, то есть Игорем Павловичем. Он несколько пал духом, когда среди сослуживцев не обнаружил предмет своего обожания.

– Игорь, а что Нина Юрьевна не вышла на работу? – небрежно спросил он у парня, но всё равно в его голосе слышались нотки нетерпеливой озабоченности.

– Представления не имею, вышла или нет, – отозвался тот. – Во всяком случае у её сегодня в конторе не видел. Спроси у Берты: она занимается вопросами дисциплины, обязана знать по должности...

– Иди ты со своей дисциплиной...

– Извини, старик, если оскорбил твои чувства.

– Пожалуйста. *Что* ты знаешь о моих чувствах?

– Немного. Только то, что вы с Ниной Юрьевной помолвлены. Поздравляю, у тебя прелестная невеста.

– Спасибо. Но от этого мне не легче...

– Понимаю. Влюблённые всегда раздобудут себе пару поводов для страдания...

– Боюсь, они существуют не только в моём воображении... – Инспектор помолчал. – Послушай, а что ты думаешь о стихии, которая столько наломала дров в нашем городе?

Молодой человек на минуту задумался.

– Наверное, это было землетрясение, – неуверенно предположил он. – Накануне я был у товарища на вечеринке. Понимаешь, набрался до отруба... Очухался только сегодня утром... Я был поражён, когда вышел на улицу и увидел эти разрушения...

– Больше ничего тебя не поразило?

– Нет как будто...

– В честь чего твой приятель устроил вечеринку?

– Шестого декабря у него был день рождения. Вчера то есть.

– Выходит, сегодня седьмое?

– Выходит.

– И тебе не кажется странным, что зима нынче такая тёплая?

– Действительно, – спохватился юный инспектор, вытирая обильный пот, выступивший на переносице. – С чего бы это?.. У меня в голове всё перемешалось, как каша...

– Пить надо меньше.

Павел Игоревич Наоборот шёл впереди носилок; в этом месте беседы он внезапно остановился и обернулся к своему напарнику с видом человека, которого посетило нечто неординарное...

– Неужели твои предостережения о пришествии каменноугольного периода?..

– Да, Игорь. Но нам помогли из него выбраться.

– Кто?

– Не всё сразу...

Когда с уборкой было покончено, к Самохину подошла Альбертина Абрамовна; её задумчивые глаза ещё хранили мрак бездны, в которую она заглянула, вокруг её губ появились мелкие морщинки, придававшие её лицу скорбное выражение.

– Я рада вас видеть, Павел Игоревич, – сказала она, опираясь обеими руками на черенок лопаты. Затем добавила: – Живым и здоровым, – и улыбнулась улыбкой крайне усталого человека.

– Я тоже, Альбертина Абрамовна. Как себя чувствуете?

– Начинаю приходить в норму. Я напугана и устала до смерти. – Она помолчала. – Когда всё это началось, за мной увязалось какое-то сопящее огромное чудовище; целые сутки от него удирала, ни днём, ни ночью не знала отдыха. И всё – по болотам, под сумеречной тенью исполинских деревьев. Как только выдержало моё бедное сердце...

– Нечто подобное пережили многие, – промолвил он в утешение, когда Альбертина Абрамовна умолкла. Затем бодрым голосом добавил: – Зато теперь нам будет легче налаживать экологическую культуру.

Женщина ответила не сразу.

– Вы правы, Павел Игоревич, – через минуту отозвалась она, собравшись с мыслями. – Пока в душах людей живы воспоминания о пережитых ужасах, необходимо ратифицировать основной Закон Экологии – не выбрасывать в Природу соединений, которые она сама не синтезирует.

– Затем – наложить арест на двигатель внутреннего сгорания – этого недоноска инженерной мысли, – подхватил Самохин, – квалифицировав его, говоря юридическим языком, как генератор широкого спектра веществ, вредных для окружающей среды и самого человека.

– Может быть, двигатель пока оставим в покое, Павел Игоревич? – предложила Альбертина Абрамовна. – Вычерпают нефть – проблема сама собой разрешится.

– Не разрешится. Исходным сырьём для топлива двигателей внутреннего сгорания может стать всё, что имеет хоть какое-нибудь отношение к органике – растительная масса, микроорганизмы, продукты гниения болот и

даже гумус. Словом, как раз всё то, что защищает наша служба. Мы должны в полной мере использовать отсрочку, которую нам подарили триархи.

– Вы имеете в виду повелителей времени? – уточнила Альбертина Абрамовна.

– Да.

– Судьбу двигателя внутреннего сгорания мы будем решать на общем собрании Службы...

– Разумеется.

– Что-то я ещё хотела у вас спросить... Вы не в курсе, почему ваша невеста не вышла на работу? Не заболела ли?

– Заболела.

– Что с ней?

– Нина Юрьевна утратила способность путешествий во времени, не может покинуть прошлое, откуда она родом.

– Господи, какой удар для влюблённых!.. Я искренне вам сочувствую, Павел Игоревич.

– Спасибо.

– Было опрометчиво с вашей стороны влюбиться в девушку из иного времени...

– Сердцу не прикажешь.

Альбертина Абрамовна извлекла из кармана коробку сигарет, затем вернула её на место, спохватившись: она не позволяла себе курить «на виду у широкой публики», как она выразилась однажды, когда Самохин предложил ей сигарету во время инспектирования какого-то объекта.

– Я в юности увлекалась фантастикой. Персонаж одного романа, уж не помню какого, молодой гениальный изобретатель, подобно вам, влюбился в женщину необыкновенной красоты, увиденную им на экране телевизора собственной конструкции; каково же было его горе, когда выяснилось, что оригинал находится не на Земле и даже не на Марсе... а где-то в соседней галактике!..

– Выходит, я позволил втянуть себя в банальную историю? Спасибо.

– На этот раз за что?

– За то, что вы пытаетесь меня утешить.

– Но вы ведь безутешны, так ведь?

– Всему своё время...

– Вы готовы примириться со временем... которое вас разлучило с любимой женщиной?! Вот она, хваленая мужская верность!..

– Вы неправильно меня поняли, Альбертина Абрамовна. Верно, я готов... готов сразиться с самой Вечностью, чтобы свести с нею счёты...

– Оставьте Вечность в покое, прошу вас, Павел Игоревич, – наигранно взмолилась Нина Юрьевна, внезапно появляясь в последнем кадре нашего повествования; рядом с нею стоял подросток лет одиннадцати – вылитый Самохин той поры, когда ему было столько же. – Извините за вынужденное опоздание, Альбертина Абрамовна...

21 мая 1992 г.

Из библиографии П.С.Бурмина

Гудроновый мир : [маленькая поэма] / Петр Бурмин // Сельские вести. – 2002. – 14 декабря (№ 146–147). – С. 6 ; *то же*: Мы в мир приходим торопясь... : стихи, поэма / Бурмин Петр ; сост. и отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – С. 14–16 ; Детям о детях : стихи, поэма / Петр Бурмин ; отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011. – 36 с. : портр. – С. 12–15.

«Остров разума» : глава из утопической повести / П. Бурмин // Сельские вести. – 2003. – 21 марта (№ 33–34). – С. 6.

Сага о немом скальде ; Инфернавты ; Писатель-фантаст ; Хомо новус : [стихи] / Петр Бурмин // Альманах клуба «Контакт» № 4 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 2003. – С. 74–77.

Гостья : [рассказ] / Петр Бурмин // Люди в квадрате : проза «Контакта» / сост. Н. Н. Калашников. – Новокузнецк, 2004. – С. 246–253 ; *то же*: Найти слова : рассказы о творчестве / сост. и отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2012. – С. 39–44.

«Что знаю о феномене Тунгусском?..» : (из романа в сонетах «Дети шута») : [сонет] / Петр Бурмин // Сельские вести. – 2005. – 20 мая (№ 59–60). – С. 7.

«Счастливей нас был пращур наш беспечный...» : из романа в сонетах «Дети шута» : [сонет] / Петр Бурмин // Сельские вести. – 2005. – 11 ноября (№ 134–135). – С. 7.

Друг человека – брат человека : рассказ / Петр Бурмин // Сельские вести. – 2006. – 13 января (№ 3–4). – С. 7.

«Двойное синее светило...» : [сонет] / Петр Бурмин // Кузнецкий рабочий. – 2008. – 10 апреля (№ 41). – С. 10.

Писатель-фантаст ; Инфернавты ; Хомо новус : [стихи] ; **«Великий Петр крестьянку Марту с фермы...»** ; **«Двойное синее светило...»** : [сонеты] / Петр Бурмин // Попроси у неба крылья : стихи / сост. – Калашников Н.Н. – Новокузнецк, 2008. – С.25–27.

«Великий Петр крестьянку Марту с фермы...» : [сонет] / Петр Бурмин // Новокузнецкий Литературный Альманах. – Новокузнецк: «Мастер-круг», 2008. – С. 151.

Моя система мира : сонеты / Бурмин Петр ; сост. и отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – 92 с. : ил.

Жизнь на бочке с порохом : фантастические рассказы / Бурмин Петр ; сост. и отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – 68 с. : ил.

Биолиты : фантастические рассказы / Петр Бурмин. – Новокузнецк, 2010. – 56 с.

Слово о красе русской : поэмы / Бурмин Петр ; сост. и отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная

система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – 24 с. : ил.

Мы в мир приходим горясь... : стихи, поэма / Бурмин Петр ; сост. и отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – 40 с. : ил.

Фантом (Мой демон) ; Истоки моей фантастики ; Дороги ; Стихи о стихах ; Пилигрим ; Химеры ; О нашем заблуждении ; Звёздный свет ; Хомо футурус ; Миф ; Истины : [стихи] / Петр Бурмин // На руках луна свернулась : стихи / сост. и отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – С. 20–25.

Дети шута : письма старшего брата младшему, живущему за кордоном / Бурмин Петр ; отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – 52 с. : ил.

Лунный полдень : рассказ / Бурмин Петр ; отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – 12 с. : ил. – Библиогр.: с. 11–12 (15 назв.).

Фенюшкины сказки : из романа «Мальва на асфальте» / Бурмин Петр ; отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – 20 с. : порт.

Агасфер : (Наша эра в стихах) / Петр Бурмин ; отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011. – 60 с. : портр. – Библиогр.: с. 58–60 (22 назв.)

Луч света в упряжке : сонеты / Бурмин Петр ; сост. и отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011. – 64 с. : ил.

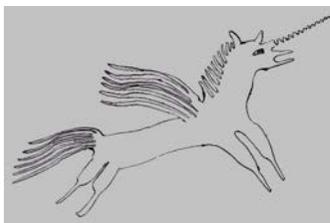
Гудроновый мир : [маленькая поэма]; **Всеяд из Плеяд** : (фантастические встречи) : [поэма] / Петр Бурмин // **Детям о детях** : стихи, поэма / Петр Бурмин ; отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011. – 36 с. : портр. – С. 12–15, 16–35.

О мире и войне : [венок сонетов] / Петр Бурмин // Я слову жизнь жизнь свою передаю : венок сонетов в Новокузнецке ; сост. и отв. за выпуск – Калашников Н.Н.; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2012. – С. 10–16.

Глазами живописца и поэта : книга графики / Пётр Бурмин ; составитель [и ответственный за выпуск] – Калашников Н. Н. ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк, 2013. – 60 с., ил

Оглавление

Вместо предисловия.....	4
Глава первая.....	4
Глава вторая.....	7
Глава третья.....	9
Глава четвёртая.....	12
Глава пятая.....	14
Глава шестая.....	15
Глава седьмая.....	17
Глава восьмая.....	20
Глава девятая.....	23
Глава десятая.....	27
Глава одиннадцатая.....	31
Глава двенадцатая.....	34
Глава тринадцатая.....	38
Глава четырнадцатая.....	44
Глава пятнадцатая.....	46
Глава шестнадцатая.....	50
Глава семнадцатая.....	51
Глава восемнадцатая.....	53
Глава девятнадцатая.....	54
Глава двадцатая.....	57
Глава двадцать первая.....	59
Глава двадцать вторая.....	63
Глава двадцать третья.....	66
Глава двадцать четвёртая.....	69
Глава двадцать пятая.....	73
Глава двадцать шестая.....	76
Глава двадцать седьмая.....	79
Глава двадцать восьмая.....	83
Глава двадцать девятая.....	86
Из библиографии П.С.Бурмина.....	90

Издательство «Ник без Сорпани»

Тираж 50 экз.